

Ксения Баштовая

**ОТМЕЧЕННЫЕ
ВОДОЙ И ПЛАМЕНЕМ**

Стихии

Ксения Баштовая

Отмеченные водой и пламенем

«Автор»

2024

Баштовая К.

Отмеченные водой и пламенем / К. Баштовая — «Автор»,
2024 — (Стихии)

Винтар Кенниг предпочитает не вспоминать о прошлом. Но прошлое раз за разом вспоминает о нем. Мадельгер Оффенбах не хотел бы возвращаться в приграничье. Но новый заказ зовет на окраину. Адельмар Сьер забыл о чувствах, некогда горевших в его душе. Но если это случилось не по его вине? И только Эрменхильда фон Оффенбах хочет добраться к родителям. Но для этого нужно попросить помощи у всех троих

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ксения Баштовая

Отмеченные водой и пламенем

Часть первая

Двери в конце коридора были закрыты ледяными печатями: по одной на каждой створке плюс соединяющий их шнур, завязанный наузом.

Винтар молча разглядывал эту композицию, совершенно не представляя, что же ему делать. Нет, лед можно было растопить одним прикосновением, но что делать с наузом? Вряд ли он прикреплен здесь исключительно для красоты.

– Сильная магия, – робко выдохнула Эрменгильда, выглядывая из-за спины колдуна.

А кто бы сомневался.

Во всем происходящем была и еще одна несуразица: водяной маг не то, что не помнил, когда он ставил эти печати, Кенниг не мог даже объяснить, как он нашел дорогу к этим дверям.

...Отправиться в Лундер в тот же день не удалось: после всего произошедшего состояние Эрменгильды и Винтара оставляло желать лучшего. Если Кенниг еще мог собраться с силами и отправиться в дорогу, то девушка слишком плохо себя чувствовала. Ее, конечно, мог подлечить Одильхох, но парень после освобождения от ошейника занялся зрением Рикмира, и восстановление глаз, выжженных огненной плетью, отняло у него слишком много сил, а потому применить магию на Эрменгильде целитель мог только через несколько дней.

Идти в Бирикену было безумием. Причем для всех. Соседи наверняка видели, как слуги инквизитора задержали травника и его дочь. Вышибала, без сомнения, сообщил трактирщику, что за специалистом по насекомым пришел лично инквизитор, а Эрменгильду в городе никто, конечно, не ждал.

Бывшие слуги господина Гирша, конечно, могли наведаться в Бирикену, прикрывшись громким именем хозяина, но зачем? Им и самим поскорей хотелось покинуть злополучный городок. И чем скорее, тем лучше. Опять же, большинству требовалась помощь Одильхоха, поэтому приходилось ждать и оставаться в Бруне.

К исходу первого дня Винтару пришла в голову здравая мысль. Замок был покинут в крайней спешке – сам видел – правителю Ругеи было не до того, чтоб вывозить ценности, а жители расположенной неподалеку Бирикены до сих пор опасались посещать сгоревший Брун. Стало быть, строение до сих пор не было разграблено и в нем можно было разжиться деньгами.

А там, глядишь и в какой-нибудь ближайшей деревне можно купить коня взамен пропавшего Уголька. Тем более, что деньги, позаимствованные у травника, следовало вернуть ему же, поэтому тратить их на покупку было нельзя.

Многое в замке было разрушено. Саламандра в свое время погуляла здесь всюду: в отдельных комнатах не то что дерево сгорело, даже камень стен оплавился.

Спальня Аурунд была одной из таких: там, где когда-то располагалась кровать с балдахином, сейчас оставалась лишь куча головней, камин, закрывавшийся в свое время железной створкой, был запечатан расплавившимся металлом, от обгоревших шпалер оставались тонкие полосочки ткани у самого потолка.

Винтар оглянулся по сторонам: если раньше у него еще были мысли, что здесь можно найти что-нибудь ценное, теперь становилось понятно, что все это бесполезно. Не копать же, в самом деле, в угле и пепле, разыскивая остатки драгоценностей. Конечно, покойная правительница Ругеи любила золото, но Кенниг не мог себя заставить искать что-нибудь на этом пепелище.

Не смотря на прошедшие годы, в комнате стоял запах гари. Винтар медленно шагнул вперед. Ворвавшийся в узкое окно ветер заплясал по комнате, поднимая пепел и горстями разбрасывая его по сторонам. В горле запершило. Колдун зажмурился, и перед внутренним взором как наяву всплыла картина: крошечная комната, так не похожая на эту, медвежья шкура на полу, солнечные лучи, проникающие через окно, разметавшаяся на постели хрупкая девушка.

Дыхание перехватило.

Было это или просто привиделось? Память опять не давала ответа.

Кенниг вскинул руку, шагнул вперед... и лишь когда пальцы коснулись оплавленного камня понял, что сделал это наяву. Но, странное дело, оплывший от пламени разбушевавшейся саламандры камень вдруг сдвинулся под ладонью, начал проворачиваться по оси, открывая проход в темноту.

Терять колдуну было нечего, а потому мужчина взмахнул рукою, вызывая Знак Воды, и шагнул под своды незнакомого тоннеля, надеясь, что этого робкого колеблющегося света будет достаточно.

Ловушек по дороге, Хвала Единому, не обнаружилось, и уже через несколько минут Кенниг стоял перед опечатанной дверью. Самое обидное во всем происходящем было именно отсутствие каких-либо воспоминаний о том, как Винтар ставил эти самые печати. А уж в том, что это был именно он, сомнений не было – других водяных колдунов у Аурунд не было, это маг помнил точно.

Если, конечно, собственным воспоминаниям можно верить.

...Появления Эрменгильды мужчина не заметил. Удивленно покосился на нее:

– Что вы здесь делаете?

Девушка пропустила вопрос мимо ушей. Лишь ткнула пальцем в дверь:

– Там – магия.

Винтар только хмыкнул: было бы странно, если бы девушка не чувствовала магию, исходящую от ледяных печатей и науза. Но бывшая пленница инквизитора только головой покачала:

– Не на двери. За нею, – из разбитой губы потекла тонкая струйка крови, и девушка поспешно зажала ранку кончиками пальцев, надеясь остановить кровь.

Маг удивленно заломил бровь. А вот это что-то новое.

Кенниг предполагал, что в тайнике может находиться сокровищница. Но магия? Какая магия может скрываться в разрушенном стихии замке?

В том, что госпожа фон Оффенбах не ошибается – сомнений не было. Она легко опознала колдуна в самом Винтаре, а позже без труда обнаружила вырванную страницу из черной книги...

Но что может скрываться за дверью?

Мужчина медленно повел ладонью над одной из печатей. В ладонь ласково ткнулась энергия родной стихии. Точно, сам ставил. Вспомнить бы еще, как и когда...

Ледяная печать, по сути, была чародейством простеньким и легко снимающимся. Правда, только тем магом, который ее поставил. Любому другому колдуну придется долго повозиться, чтоб убрать эту круглую льдинку, украшенную рунами. Жаль только непосредственно дверь ею закрыть нельзя – не для этого она существует...

Так, а это что еще такое?

На потемневшей от времени древесине проступили капли росы. Очень интересно. Получается, печать уже снимали. Причем, судя по количеству проявившейся воды – уже не один раз.

Кенниг вздохнул. Пусть, сейчас он чувствовал себя не совсем хорошо, но сил на то, чтобы убрать печати у него хватит. Науз упадет на пол, откроется дверь... И что будет ждать за ней? А если там сидит какая-нибудь скованная водяной стихией саламандра? Или находится еще какая-нибудь пакость по типу черной книги?

Хотя нет. Огненного стихияля там не будет – вряд ли Аурунд разместила подобную тварь в опасной близости от своей комнаты. А вот что-то вроде книги вполне может быть...

По хорошему счету, надо было развернуться и уйти отсюда, тщательно закрыв проход. Если тайник не обнаружили за пять лет, то не найдут его еще столько же. Вот только... Кенниг уже сбежал из Лундера, оставив там созданную ледяной магией бабочку. И неизвестно, сколько бед она еще принесет. А то, что скрывается за дверью, может быть во сто крат опаснее.

– Прижмись к стене.

– Что?

– К стене. За дверью может быть опасно.

Полыхнет, например, из-за открытой двери огненный язык и все – поминай, как звали госпожу фон Оффенбах, похищенную из родного дома...

Можно, конечно, ее вовсе прогнать отсюда, но кто знает, вдруг там, в комнате – куча предметов, и как тогда понять, какой из них магический?

Девушка прижалась спиной к двери, вздрогнув от прикосновения к холодному камню – Винтар только тихо ругнулся: Эрменгильда до сих пор не сменила платья, а одолженный у дочери травника наряд грел слабо.

Отвернувшись от юной ведьмы, Кенниг медленно коснулся кончиками пальцев печати. Лед размягчался как тающее масло, впитывался под кожу... И уже через мгновение науз повис на одной печати. Мужчина мгновенно шагнул в сторону: не хватало еще попасть под удар из-за двери!

Но нет, ничего. Лишь Знак Воды, горящий над плечом, опустился чуть ниже, подхватив ту энергию, что высвободилась из-под печати.

Вторая круглая льдинка, изукрашенная рунами, растаяла еще быстрее. Шнур упал на пол, водяной колдун дернул за ручку, открывая дверь и одновременно уходя в сторону.

Тишина. Что бы там ни было, атаковать оно не собиралась.

Отойдя от стены, маг шагнул в комнату. Знак Воды взмыл под потолок, освещая все помещение... И Кенниг почувствовал, как сердце оборвалось, рухнув в бездну.

***

Двенадцать лет назад

Винтар присел на край кровати, несмело коснулся ладонью плеча Аурунд. Та, уткнувшись лицом в подушку, плакала навзрыд. Плечи дрожали...

– Почему? – разобрал Кенниг среди ее рыданий. – Почему Единый забрал его?

Колдун отвел взгляд. У мужчины не было ответа...

Ребенок умер на рассвете. Сгорел от лихорадки, начавшейся на второй день после рождения.

Он даже имени не успел получить, и хоронить младенца на кладбище Бирикены пришлось под камнем, отмеченным лишь Знаком Единого. Ни фамилии, ни рода, ни дат... Не прошел освящения именем божества – не заслужил ничего из этого.

Ребенок, которого так ждали...

Винтар хорошо помнил, каким счастьем светилось лицо жены, когда та задумывалась о том, каким вырастет их сын – а уж в том, что это будет именно сын, сомнений у Аурунд почему-то никогда не было.

Сын родился. И прожил всего три дня.

Праздник святой Шушаники вышел совершенно не праздничным – Кеннигу пришлось готовиться к похоронам. Искать священника, договариваться с могильщиком, пытаться привести в чувства застывшую в своем горе Аурунд...

Женщина выплакала все глаза. Спрашивала у мужа почему Единый забрал сына... А ответа у Винтара не было...

Водяной колдун провел ладонью по черным волосам жены.

Та внезапно села, обеими рукам вцепилась в рубаху супруга и спрятала лицо на его груди. Плечи женщины сотрясались от беззвучных рыданий. Мужчина обнял Аурунд... Слезы ее мгновенно пропитали рубаху Винтара, но сил, на то, чтобы их остановить и высушить, у мага не было.

Кенниг нашел взглядом стоящую рядом с кроватью колыбель.

Нужно будет завтра вынести ее на чердак.

***

Винтар Кенниг медленно опустился на колени. Лежащая на полу в маленькой – два на два шага – комнатке без окон медвежья шкура была побита молью. Один стеклянный глаз выпал и валялся неподалеку. кусочек красной ткани, заменявший язык в раскрытой пасти зверя давно полинял... А люлька, стоящая на двух изогнутых полозьях, совершенно не изменилась.

Водяной колдун провел кончиками пальцев по изрисованной рунами стенке колыбели. Легкое голубоватое свечение окутывало отполированное искусным мастером дерево... И Винтар внезапно вспомнил значение каждого знака. Этот ряд рун должен сохранять изделие от повреждений. Этот – очищать испачканные пеленки, не беспокоя младенца. Этот – убаюкивать малыша звуками морского прибоя...

Сам ведь когда-то вырезал эти строчки, ожидая того дня, когда в зыбке будет лежать их с Аурунд сын...

Понятно теперь, какую магию почувствовала Эрменгильда.

На душе было тошно, словно дохлую кошку проглотил.

– Откуда это здесь? – звякнул за спиной тихий удивленный голос.

Водяной маг замер, уставившись пустым взглядом в каменную стену. А ведь действительно. Откуда?

Дом, в котором когда-то жили Кенниги, давно разрушен. На его месте построен дворец инквизитора.

Получается, после того как Брун и Бирикена был захвачены ведьмой, Аурунд приказала принести люльку сюда? И судя по печатям на двери, выполнял приказ лично Винтар.

В самом деле, развязывать каждый раз науз очень неудобно, то ли дело ледяная печать! Сняли – зашли, вышли – поставили. В случае необходимости подправили «брату» память поцелуем...

Эрменгильда, не дождавшись ответа, молчала, а Кенниг... Кенниг не знал, что сказать...
...Винтар не помнил, как он выбрался из потайной комнаты. Мужчина брел по обгоревшим коридорам, не замечая, ни куда он идет, ни что творится вокруг...

Перед глазами все стояло заплаканное лицо Аурунд.

У них когда-то был ребенок. Он прожил всего ничего, но он был!

В сердце словно раскаленные иглы загоняли.

У него и Аурунд был ребенок... И пусть сейчас об этом можно забыть – слишком много времени прошло с тех пор, да и слишком много всего произошло... Но колыбель...

Аурунд хранила сделанную Винтаром колыбель...

Получается, что-то продолжало храниться и жить в ее душе?

Или Винтар сейчас просто пытается ее оправдать?

Но зачем ей колыбель?! Да и печати снимались несколько раз. Аурунд заходила туда! Заходила неоднократно!

Стало трудно дышать.

Каким же он был идиотом все это время! Пять лет! Он потерял пять лет! А ведь мог сразу приехать сюда, сразу найти потайную комнату...

И что тогда?..

...Эрменгильда, закусив губу, следила за колдуном. Водяной маг брел по коридору, шатаясь как пьяный, стесывая плечами копоть со стен и не обращая никакого внимания на поднимающиеся при каждом шаге клубы пепла.

Нечаянно вдохнув пыль, девушка, осторожно следовавшая за Винтаром, закашлялась, но тот даже не обернулся. Словно и не заметил ничего.

А может так и было?..

...Колыбель.

Которую сам когда-то зачаровал.

– Осторожно! – вклинился в воспоминания испуганный женский голос. В плечо вцепились тонкие пальцы.

Винтар помотал тяжелой головой. Мужчина стоял перед уходящим в пустоту провалом – здесь саламандра разбушевалась, билась о камни, обрушив часть стены, оплавив булыжники... Сделай шаг и рухнешь с высоты второго этажа на камни двора.

На миг мелькнула позорная мыслишка: а может, ну их, к Тому, Кто Всегда Рядом, всех этих бабочек, дочерей барона, правителей Ругеи... Один шаг – и все.

Ветер бил в лицо, заставляя зажмуриться, выбивая злые слезы.

Ветер. Это просто ветер и ничего боле.

– С вами все в порядке, господин Кенниг? – встревоженно спросила Эрменгильда.

О да. Все в полном порядке! Лучше и быть не может!

А в голове все кружилось воспоминание о колыбели...

Так и не дождавшись ответа, девушка осторожно потянула колдуна за рукав:

– Пойдемте... Ветер... Холодно...

Тот покорно шагнул за ней.

Оставшееся время до заката, мужчина провел в одной из спален замка. Выбрал небольшую комнату, не сильно пострадавшую от пожара, и, не раздеваясь, завалился на кровать, подняв с грязного покрывала клубы пыли и копоты.

Минуты текли за минутами, а Кенниг все лежал на постели, закинув руки за голову и сверля пустым взглядом потолок.

За крохотным окошком уже начинал полыхать алыми красками закат, а Винтар все не мог собраться с мыслями. Краски солнца, утопающего за горизонтом, напоминали кровь. Кровь, пролитую при правлении Аурунд. Кровь, пролитую по ее приказу. Кровь, обагрившую руки самого Кеннига.

Аурунд, при попустительстве самого Винтара, была виновна в стольких смертях... И все-таки она хранила колыбель... Получается, какое-то чувство продолжало жить в ее сердце?

Стук в дверь вырвал мага из размышлений. Мужчина вздрогнул, обвел полубезумным взглядом комнату – день уже догорел, и в спальне царили сумерки.

Стук повторился, и Кенниг, тихо ругнувшись, встал с кровати. Кого там принесло?! Эрменгильде и без того ясно, что колдун не в настроении вести душевные беседы. Слуги инквизитора сами пытаются разобраться, что делать дальше. Получается – травник с дочерью?

Мужчина коротко взмахнул рукой, и отливающий синевой Знак Льда повис над его плечом. Уже шагнув к двери, колдун вспомнил, что двери он не запирает. Точно Йенсен – слуги инквизитора вряд ли бы были столь вежливы.

Тихий скрип – и ледяной маг удивленно уставился на незваного гостя. Точнее, гостью. В темном коридоре стояла, нетерпеливо постукивая по полу носком сапога одна из огненных близняшек. Вопрос только, какая? И еще один – как их там зовут?

Над плечом девушки извивался, плюясь искрами и разбрасывая отблески, Знак Огня, серый форменный камзол был небрежно расстегнут, а на кружевной рубашке, судя по виднеющейся коже, не хватало доброй половины пуговиц. А то и всех.

Девушка сразу взяла быка за рога:

– Ты не спустился к ужину. Я беспокоилась.

– А у нас запланирован ужин? – тупо поинтересовался Винтар, с трудом удерживая взгляд на лице огненной ведьмы. Взор автоматически сползал на шею, и дальше, на голую кожу, все ниже и ниже, между пуговиц полностью расстегнутой рубашки...

– Мы собрались в столовой, как раньше.

Водяной колдун старательно сфокусировал взгляд на переносице гостыи.

А та продолжила:

– Я ведь сразу узнала тебя. Не смотря на прошедшие пять лет, – девушка порывисто шагнула к колдуну, ласково коснулась ладонью его щеки: – Ты часто ужинал со мной. Помнишь?

– Не помню, – хрипло обронил мужчина, отступая на шаг.

Рука гостыи замерла в воздухе.

– Совсем? – в голосе проклюнулись странные нотки.

Кенниг отступил еще на шаг:

– Абсолютно, – и, прежде чем сам понял, что сказал, обронил: – Ты перепутала меня с Гиршем, – и захлопнул дверь.

Новый стук послышался через полчаса. Только начавший засыпать Кенниг, рывком сел на кровати. Что ж им всем так нейдет! Ночь на дворе!

За дверью обнаружилась все та же огненная колдунья. Для разнообразия – камзол был застегнут.

– Я пришла по делу, Кенниг, – она сразу же взяла быка за рога.

– У нас есть общие дела? – зло буркнул колдун. – Кроме тех, из-за которых ты приходила раньше.

Девушка нахмурилась:

– Эта дура Адала уже успела здесь побывать?

Значит, это не та колдунья, что приходила полчаса назад, мысленно отметил водяной маг. И что ей надо? Тоже, как и ее близняшка, начнет рассказывать про совместные ужины?

Интересно, а они вообще были? Или обе огненные ведьмы бессовестно пользуются тем, что Гирш обмолвился про беспамятство водяного мага?

Впрочем, ответа новая посетительница дожидаться не стала:

– Впрочем, не важно. Как я сказала, я – по делу.

– Ну? – мрачно поинтересовался Винтар, сжегивая зевок в кулак. Если ту, предыдущую зовут Адалой, то эту... Что-то крутится в голове, что-то знакомое...

И принесло же ее ночью, поспать не дает.

– Нам нужно держаться вместе. Урсольд и Фалько владеют двумя стихиями. У меня с сестрой – третья. У тебя – четвертая. Предсказатель, ишейка, привадчица, иллюзионщик, – они все бесполезны, их можно не брать в расчет. А нам нужно держаться вместе: по отдельности мы не выживем – в Ругее слишком не любят тех, у кого есть Дар или Талант.

Возможно, в словах девушки и был резон. Но в планы Кеннига сейчас совершенно не входило шляться по Фриссии в компании четырех стихийников, которых он толком даже не знал. Вопрос только – как об этом сообщить ожидающей ответа девушке...

А она, похоже, решила, что мужчина колеблется:

– Мир построен на четырех стихиях! Остальные Таланты бесполезны. А сейчас, когда у нас есть возможность управлять всеми четырьмя – каждый своей – мы будем в полной безопасности! Там, где не справится огонь, совладеет вода. Где будет бесполезна земля, ударит воздух... Вместе мы...

Кенниг, наконец, подобрал правильные слова:

– Иди ты к Тому, Кто Всегда Рядом.

– Что?!

– Еще раз припрешься, в ледяную статую превращу, – буркнул колдун, захлопывая дверь перед носом Лиубы – благо, он все-таки вспомнил ее имя.

Девушка захлебнулась возмущенным воплем.

Честно говоря, Кенниг преувеличил. Нет, заморозить человека он мог – на службе у Аурунд приходилось, но, во-первых, сейчас водяной маг слишком устал... а во-вторых – все-таки его собеседница – огненная колдунья. Если б с ними все было так просто, Гирша можно было бы уничтожить легким взмахом руки. Глядишь, тогда бы и Уголек цел остался... Где он сейчас?.. Кто знает...

А Винтару теперь без коня мучиться, нового искать, покупать...

Маг рывком сел на кровати. Стоп. А почему, собственно покупать? Что мешает с утра вызвать нового водяного скакуна? Благо, времени пока еще предостаточно – Одильхох займется лечением Эрменильды только завтра или послезавтра. А значит – надо только припомнить обряд и тогда... Самое главное, ничего не перепутать.

С этой мыслью ледяной колдун и заснул.

Пентаграмма выходила явственно кривая. Часть камней, которыми был замощен внутренний двор, были разбиты во время схватки Гирша и Кеннига, часть – оплавилась, потекли и застыли рванными ранами во время пришествия саламандры. Короче, поверхность, на которой Винтару приходилось чертить водные руны, явно оставляла желать лучшего: пусть рисунок и создается вызванным из-под земли ручьем, но плоскость, на которой чертится пентакль, тоже на многое влияет.

Будь на то воля самого ледяного колдуна, он бы отправился искать место получше, но сейчас особого выбора не было: за пределы Бруна не выйдешь – могут заглянуть любопытствующие жители Бирикены, в комнаты замка не пойдешь – как потом вывести коня наружу, если все получится? Точнее «когда», а не «если».

Еще одним недостатком были слуги инквизитора. Те, у кого были дела – лекарь Одильхох Клейст, например, или там предсказатель Рикмир – под ногами, конечно, не путались. А вот остальные... Естественно, их никто не звал полюбоваться, но, к тому моменту, как Кенниг закончил вырисовывать водяной пентакль для вызова коня, двор уже заполнился зеваками. У дальней стены стояли перешептывающиеся огненные близняшки, невозмутимый Фалько делал вид, что он просто так случайно забрел сюда подышать воздухом, а возле входа в темницу присела на камень, вывернутый копытом водяного скакуна, Эрменгильда.

Ледяному магу хотелось ругаться. Ледяному магу хотелось потребовать, чтобы все убиралось. Ледяному магу хотелось... Короче, много, чего хотелось, но вряд ли бы кто его послушал.

Кенниг устало потер виски, стараясь не обращать внимание на зевак, загоня раздражение вглубь и пытаясь припомнить, все ли он сделал и можно ли заниматься собственно призывом. Линии пентакля очерчены, магические знаки вырисованы, вроде все на месте...

Уздечка! Он не зачаровал уздечку. Все из-за этих проклятых Единым наблюдателей, чтоб они к Тому, Кто Всегда Рядом, провалились!

Мужчина шепотом ругнулся. И что теперь делать? Убирать пентакль и заниматься недоуздком? Такие вещи за пять минут не делаются! Если колдуну не изменяла память, в прошлый раз, вызывая Уголька, узду он зачаровывал заранее.

Тонкие пальцы прикоснулись к запястью:

– Вы это ищете, господин Кенниг?

Колдун оглянулся: стоящая за спиной Эрменгильда протягивала ему недоуздок. Девушка наткнулась на пораженный взгляд водяного мага и зачастила, словно оправдывалась:

– Я подобрала, когда ундина пропала, после смерти Гирша. Я боялась, что пропадет и...

– Спасибо, – хрипло откликнулся водяной маг.

Девушка запнулась, будто не ожидала услышать от Винтара слов благодарности, а потом, густо покраснев, чуть слышно прошептала:

– От уздечки исходит магия, я чувствую.

Вот, кстати, еще один вопрос – какая у нее дополнительная способность и появится ли она самостоятельно или это было связано с черной книгой? Будет очень весело, если она, как Аурунд, может подчинять людей.

Или Кенниг уже задавался этим вопросом?

Водяной маг мотнул головой, прогоняя незваные страхи – вопросы будем решать по мере поступления, а сейчас надо заниматься вызовом коня, чтоб хоть было на чем ехать. Тут правда всплывает новый вопрос, где взять второго скакуна, и умеет ли Эрменгильда ездить верхом, но об этом тоже можно будет подумать позже, когда удастся поймать новую ундину.

О том, что здесь как раз можно говорить «если», а не «когда» – воспоминание о том, как вызывать водяных стихиалей проявилось совсем недавно, и может совершенно не соответствовать действительности – лучше не думать.

– Спасибо, – вновь повторил Винтар.

Девушка выдавила улыбку и отступила на шаг.

Кенниг повернулся к пентаклю. Кажется, можно начинать...

Колдун глубоко вздохнул, собираясь с силами, отстраняясь от происходящего... И резко вскинул руку вверх.

Из центра пентаграммы ударила в воздух водяная струя. Она осыпалась серебристыми ледяными кристаллами, обретая очертания светло-голубого, прозрачного коня. Жеребец взвился на дыбы... И осыпался хрустальным дождем.

Вызов не удался.

Винтар медленно опустил руку. Закрыв глаза. Досчитал до десяти.

В груди нарастала глухая злоба. В чем бы не заключалась ошибка, кто бы не был в этом виноват, но это произошло на виду у стольких зрителей! Куча зевак видело, как колдун не справился, не смог, не совладал с водяной тварью, мелькнувшей в пентакле, и ушедшей туда, откуда они все приходят!

Будь проклят этот Гирш, из-за которого Кенниг потерял скакуна! Будь прокляты слуги инквизитора! Будь проклят...

– Кто-то был против, – звякнул за спиной тихий голос. Злая мысль так и осталась несформированной.

Винтар озадаченно оглянулся. От удивления даже ярость куда-то пропала.

– Что? – недоумевающее нахмурился он.

– Там, с той стороны пентакля, кто-то мешал, – чуть слышно повторила Эрменгильда. – Я чувствовала это.

Ага, прекрасное оправдание. Не Винтар – бездарность, а с той стороны кто-то мешал. Девочка решила пожалеть неудачника, и лягнула первое, что пришло в голову, это даже идиоту понятно.

У дальней стены заперешептывались огненные колдуньи. Обрывки их разговора донеслись до ледяного мага: «...Не получилось... – Жаль... А он...» – и мужчина не выдержал, повернулся на звук:

– Что уставились?! – гаркнул на близняшек злой Кенниг. – Представление закончилось! Стушевавшие девушки поспешили скрыться со двора.

Кстати, к слову о представлении. Там же еще один зритель был, припомнил маг. Фалько Румпф. Воздушный стихийник. Тоже вот еще один... любопытный, чтоб не сказать хуже. Если он тоже начнет «сочувствовать» или влезать в разговор, Винтар точно не сдержится и кого-нибудь убьет. Например, этого самого сочувствующего.

Вероятно, воздушный колдун понял это без слов – Фалько, до этого делавший вид, что он рассматривает красоты небес, хлопнул себя по лбу и громко, на весь двор, объявив:

– Ох, я совсем забыл! Меня Гвилла просила помочь! – быстрым шагом направился к кухне.

Винтар проводил его злым взглядом: колдуну очень хотелось сказать, что он думает о таких отвратительных актерах, но Фалько скрылся раньше, чем маг подобрал нужные – желательно, пристойные – слова.

Мужчина вздохнул, досчитал до десяти и обратно, махнул рукой, стирая остатки неудавшейся пентаграммы и побрел прочь.

– Господин Кенниг, – встревоженно окликнула его Эрменгильда. – Куда вы?!

– Выберу стену повыше и прыгну с нее, – мрачно откликнулся колдун.

И настроение сейчас было такое, что мужчина на миг даже задумался о том, что это может быть вполне здравая идея.

К счастью, уточнять, серьезно ли говорит колдун, девушка не стала, а потому сия дурацкая мысль развеялась раньше, чем Кенниг ее осмыслил.

...Обед Винтар пропустил. Так же, как до этого завтрак. Ну, и вчерашний ужин, что уж тут греха таить.

Если быть честным, Кеннигу просто не хотелось спускаться на кухню или в общую столовую и «любоваться» на лица слуг колдуна. Когда память внезапно делает неизвестно какие выверты, и ты не знаешь, кого знал до этого, а кого видишь в первый раз, лучше воздержаться от лишних контактов.

Тем более, что Адала Вольф всегда отвратно готовила, а сегодня «дежурной по кухне» выбрали именно ее.

Вот, кстати, и еще одно воспоминание, выплывшее из глубин памяти.

Значит, действительно она служила Аурунд... Интересно только, с чего вдруг вспомнилось про ее поварские способности? Слуги, повара, кухарки всегда были в замке свои, заниматься домашними хлопотами Аурунд своих учеников никогда не заставляла. Тогда откуда взялась эта глупая мысль?

Ветер швырнул в лицо горсть пепла, колдун закашлялся и оглянулся по сторонам. За тоскливыми мыслями, он опять не заметил, куда он пришел. Теперь это был тронный зал.

Тот самый, в который десять лет назад притащили младшего сына законного правителя. В памяти всплыло старое: «Надо же... Она была права...». И нравоучительная фраза Селинт: «Госпожа Аурунд всегда права, пора бы это уже запомнить, Винтар!»

Кенниг, замер, озадаченно оглядываясь по сторонам. Эта мысль не пришла ему в голову тогда, и лишь сейчас зародились сомнения: а откуда правительница Ругеи могла знать, что Адельмар Сьер скоро прибудет? Дара предсказаний у нее не было.

Вот еще один вопрос, на который в ближайшее время не будет ответа...

Разбушевавшаяся в замке саламандра добралась и до тронного зала. Зола, сажа, обугленные остатки штор... Даже трон пострадал. Позолота слезла с подлокотников, выполненных в виде оскалившихся львов, на бархатной подушке сидения виднелись темные дыры, спинка оскалилась почерневшими зубами обломков...

Винтар медленно прошел по залу, провел ладонью по потемневшим камням стен... Он прожил в этом замке долгих семь лет... Или пять?... Впрочем, это сейчас не важно. Главное другое. То, что он прожил, не задумываясь о будущем, не пытаясь вспомнить прошлого. Изредка воспоминания пытались поднять голову, но через несколько мгновений стирались

легчайшим поцелуем... Сколько их было? Сейчас Кенниг помнил лишь о двух. А сколько их было на самом деле? Сколько раз Аурунд подправляла память тому, кто в тот момент считал себя ее братом?

Мужчина медленно опустился на пол возле трона. Коснулся кончиками пальцев теплого дерева. В кожу мгновенно воткнулась заноза. Кенниг сдавленно прошипел ругательство, попытался вытащить крохотный обломок дерева и только глубже его загнал.

Впрочем, долго горевать по поводу существующих неудобств не пришлось: оглушительно взвизгнула створка двери – единственная, из двух оставшихся – и в залу буквально влетел встрепанный Менрих Зоммер, иллюзионист:

– У нас проблемы!

Кенниг пересел на него мрачный взгляд:

– А я здесь при чем, если проблемы у вас?

– Вы не поняли, проблемы у всех нас! – выпалил парень.

На лице водяного колдуна было крупными рунами написано, что он совершенно не верит, что у него могут быть какие-то общие проблемы со слугами инквизитора, но вбежавший явно ждал, что маг хоть как-то отреагирует на услышанное, и Винтару ничего не оставалось, как кисло поинтересоваться:

– Какие?

– Ратман Таузиг! Он срочно хочет видеть инквизитора!

Мужчина ошалело уставился на вестника.

– Что?!

– Ратман Таузиг... – вновь начал Менрих.

– Да я понял, – отмахнулся колдун. – Я здесь при чем?!

– Нужно что-то делать! Он сейчас стоит перед воротами замка, мы пока его не пускали, но, если кто-нибудь в Бирикене узнает, что инквизитор мертв... – иллюзионист запнулся на полуслове, но Винтар и так прекрасно понял, что имел в виду юноша. Проблемы будут у всех... А Менрих уныло продолжил: – Мы ведь никому не докажем, что он был огненным колдуном!

Винтар задумчиво закусил губу, а потом вскинул глаза на вошедшего:

– Ты ведь можешь обманывать все чувства! Пусть ратману покажется, что он разговаривает...

Юноша только рукой махнул:

– Тут надо создавать образ, речь, движения... Меня хватит всего на пару минут! А потом, когда иллюзия рассеется – будет только хуже.

– А от меня ты что хочешь?! – не выдержал Кенниг.

– Вы... Вы примерно одного роста с Гиршем... И телосложение похожее. И если надеть его плащ, натянуть пониже капюшон и говорить тихо, чтоб голос не разобрали... Одну иллюзию удерживать проще, чем несколько. Голос я смогу исказить до получаса...

...Это с самого начала была идиотская идея.

Винтар так и не мог понять, почему он так быстро согласился. По большому счету, в инквизитора стоило обрядить того же земляного мага, Урсольда Каде – он тоже по фигуре мог сойти за Гирша, – но Кенниг почему-то повелся на предложение как мальчишка. На миг задумался, а потом резко кивнул: «Пошли». И вот, спустя всего лишь каких-то полчаса, наряженный в серый плащ инквизитора Винтар сидел, натянув чуть ли не до самого подбородка капюшон, за столом в одной из немногих сохранившихся комнат замка, ждал гостя...

Без зрителей, конечно и в этот раз не обошлось. Кроме замершего у входа Менриха, в дальнем углу застыла, изображая из себя почтительность и покорность, Гвилла Нагель, ищейка, а за спинкой стула стоял, положив руки на спинку, Урсольд, каменный маг.

Если бы у Винтара была возможность выбирать, он бы предпочел, чтоб в комнате присутствовали предсказатель Рикмир Тиссен и его сестра – им двоим Кенниг почему-то доверял

больше, чем остальным – но эта парочка либо не заинтересовалась происходящим, либо еще не до конца пришла в себя... Короче, приходилось действовать при тех наблюдателях, которые были.

Единственное, что радовало, Эрменгильда к зрителям пока не прибилась. То ли заплутала в коридорах замка, то ли ей просто никто ничего не сказал.

Кенниг уперся взглядом в затянутую зеленым сукном столешницу. Когда-то эта комната была кабинетом. Маленький, неуютный, он редко использовался при Аурунд. Та считала его слишком скромным, слишком... – ледяной маг опустил взгляд на пол, пытаясь вспомнить, как именно она его называла, – ... неудобным, неподходящим для столь важной персоны.

Водяной колдун печально усмехнулся: все, что осталось от бывшего величия – пара комнат, в углах которых поселились мхи и плесень, да обрывки воспоминаний, затерявшихся в закоулках памяти.

– Господин инквизитор? – пробился сквозь мрачные мысли осторожный голос.

Винтар вздрогнул, поднял глаза: из-под капюшона было плохо видно, и колдун даже не заметил, когда в кабинет вошел посетитель. Единственное, что радовало, гость решил не ждать приглашения от хозяина и сам сел в свободное кресло. Пришедший с ним мальчишка – секретарь (тот самый, что рассказал о доме инквизитора, вспомнил Кенниг), замер положив ладони на спинку кресла – на пальце блеснуло тонкое кольцо – переминаясь с ноги на ногу и оглядываясь по сторонам. Юноше явно было неуютно в обители погибшей ведьмы.

Кенниг глубоко вздохнул, сдерживаясь, чтоб не дернуть надоевший капюшон и, стараясь говорить как можно тише, чтоб иллюзионщику, стоящему у двери, не пришлось сильно стараться изменять его голос, протянул:

– Господин Таузиг? Рад вас видеть.

Мужчина кивнул:

– Я тоже, господин инквизитор. Вижу, вы уже начали обживать в замке.

Кенниг чуть не поперхнулся. Принять Брун за обжитой мог только слепец. Там, где не достала взбесившаяся саламандра, постаралось время. Пусть прошло всего пять лет, но, учитывая, что здесь не было ни единой живой души... Замок обветшал, многое обрушилось, заросло мхом, покрылось плесенью...

Похоже, у ратмана были свои взгляды на уют.

Винтар почувствовал, что сейчас ляпнет какую-нибудь глупость, а потому не придумал ничего лучше, как сразу взять быка за рога:

– Что привело вас... – Кенниг запнулся, не зная, как лучше продолжить. «Ко мне» или «Сюда»? Повисла неловкая пауза и водяной маг решил обойтись пустым: – ... В Брун?

Ратман даже если и заметил заминку, то не придал ей никакого значения:

– Мы живем в сложные времена, господин инквизитор. Обращаемся друг к другу только по делам... Вы хотели получить новый дом, обратились в рат... А теперь я прошу о вашей помощи.

На языке крутился грубый ответ, что сам-то Винтар Таузигу ничем не обязан – тот даже за простейшую информацию о доме требовал целый талер. Ну, ладно, со скидкой в один гульден.

– Чем могу быть полезен, господин Таузиг? – как можно мягче поинтересовался Кенниг. И не удержался, добавил: – Я ведь, самое большее, могу только о вашей душе позаботиться...

А о теле, точнее, о том, как оно будет болтаться на виселице за то, что в Бирикене назревал такой гнойник, пусть позаботится лорд-манор.

– Не только, господин инквизитор, – мотнул головой ратман, а стоящий за его спиной секретарь как-то сбледнул с лица. – Вы можете помочь и мне лично... – Судя по возникшей паузе, мужчина ждал, что Гирш заинтересуется, начнет спрашивать... Кенниг этого удоволь-

ствия доставлять не собирался, и Таузигу пришлось самому пояснить: – Мне нужно в Утрехт, к границе с Гэрулией, у меня там дела...

– И какие дела могут быть у ратмана из Ругеи в лесах приграничья? – Винтар не удержался от того, чтоб не добавить в голос яда.

Глаза мужчины забегали, он подбирал нужные слова:

– Я... Ну.... Это не столь важно... У меня там дела... А от вас мне все-таки нужна помощь...

– Ну? – Кенниг понял – ответа, что ратман забыл в лесном лорд-манорстве, он так и не дождался, но чем быстрее надоедливый посетитель выскажет свою просьбу, тем быстрее можно будет от него избавиться.

Таузиг зажмурился и, словно в воду прыгал, выпалил:

– Я прошу вас меня сопровождать!

Заявление было настолько неожиданным, что Винтар только и смог выдохнуть:

– Простите, что вы ска... – и оборвал речь на полуслове, услышав, что из его уст звучит вместо голоса Гирша нечто более привычное. Похоже, иллюзионщик был поражен не меньше лже-инквизитора.

Впрочем, незванный гость не обратил на это внимания. А вот секретарь удивленно вздернул бровь, словно заподозрил что-то...

– Я прошу... – было видно, что ратман сам с трудом подбирает слова, – чтобы вы и ваши слуги сопровождали меня в путешествии.

– Чем обязан такой чести? – не удержался от иронии Винтар. Хорошо хоть голос уже вновь походил на инквизиторский.

– Я... не могу взять кнехтов рата, а о нашей проблеме с наймом ландскнехтов вы и сами знаете... А вы и ваши слуги смогут обеспечить необходимую защиту...

Короче, Таузиг хотел сэкономить. Вот только Винтар не собирался за свой счет выполнять прихоти членов городского совета. Если ратману надо куда-то в леса, то пусть сам туда и едет, Кеннигу нужен Лундер. И пусть этот самый ратман еще порадует, что его за шкуру не тащат к лорд-манору за то, что в Бирикене появилась какая-то новая власть в лице инквизитора. О том, что он лично сейчас этого самого инквизитора изображает, ледяной колдун решил не задумываться.

Тут вообще-то стоило прервать эту неправильную аудиенцию и сообщить ратману, куда он может отправиться вместе со своей просьбой и без инквизитора, но Винтара кольнула острая мысль. Не стоит так сразу говорить нет. Может, кто-нибудь из тех, кто еще вчера носил ошейник, захочет сам натянуть плащ и отправиться в Утрехт? Так скатертью дорога! Разве Винтар имеет право им указывать? Только и надо, что рассказать всем магам, оказавшимся под одной крышей, о предложении ратмана, и пусть они сами дальше думают, надо им это или нет. Уж сам-то Кенниг в Утрехте ничего не забыл. Ему еще Эрменгильду надо родителям на руки сдать, предварительно заехав в Бирикену и разобравшись с бабочкой... А потом еще и со своими потерянными воспоминаниями разбраться.

– Можете идти, – меланхолично сообщил Кенниг посетителю.

Тот замер, ошарашенно уставившись на него: ответ был совершенно не в тему разговора:

– Простите, господин инквизитор?

– Я подумаю над вашим предложением до завтра, господин ратман. Утром, после десяти часов, сможете получить ответ.

– Но...

– Идите, господин ратман, идите, – колдун на миг задумался и сделал вид, что поднимает руку: – И да пребудет с вами Единый, – Знака он, впрочем, так и не начертил – иначе возник бы вопрос, почему нет отклика – и, сделав вид, что вспомнил о чем-то, щелкнул пальцами

над плечом, привлекая внимание стоявшего у кресла земного мага: – Урсольд, проводи нашего гостя.

Юноша дернул уголком рта и склонился в поклоне:

– Как прикажете, господин, – и, уже обращаясь к ратману, обронил: – следуйте за мной.

Винтар дождался пока закроется дверь в кабинет, и, облегченно вздохнув, откинулся на спинку кресла. Похоже, только что закончился один из самых трудных разговоров в его жизни.

– Ты хочешь принять его предложение? – отрывисто поинтересовалась Гвилла.

А, нет, он только начинался.

– Ничего я не хочу, – Винтар устало потер виски. – Я просто даю такую возможность вам.

– В смысле?

– Расскажешь о предложении ратмана своим приятелям, и пусть, кто захочет, завтра надевает плащ инквизитора.

– А ты?.. – подал голос от двери иллюзионщик.

– Мне такая радость и даром не нужна. Я в приграничье ничего не забыл, – отрезал

Винтар. – И у меня нет никакого желания изображать Гирша перед ратманом.

– Думаешь, кто-то из наших на это согласится?

Винтар пожал плечами и рывком встал с кресла:

– Предлагай. Мне это безразлично.

... На ужин удалось перехватить кусок хлеба да сделать пару глотков молока. У водяного мага не было никакого желания лишней раз общаться со слугами инквизитора, так что он попросту стянул с кухни немного еды и, перекусив в своей комнате, завалился на кровать.

Еще один день. Завтра Одильох сможет заняться Эрменгильдой, подлечит ее... и нужно будет что-то решать с поездкой.

За окном догорал закат, огненные всполохи растекались по стенам, и Винтар снова поймал себя на том, что скатывается в пучину упрямой, безграничной тоски. Зачем он ввязался во все это? Сколько ошибок он сделал за последние двенадцать – уже почти тринадцать – лет? Все, все, что произошло с тех пор, как у Аурунд появилась черная книга, можно записать в столбец промахов. Не забрал у жены проклятый фолиант. Доверился огненному колдуну. Помогал в захвате Ругеи. Приложил руку к гибели правящей семьи лорд-манорства... И даже новые события подтверждают правило. Оставил зачарованную бабочку в Лундере. Ввязался в эту затею с Эрменгильдой. Уголька потерял.

Идиот. Просто идиот.

Причем идиот, растративший свой талант на всяческие пустяки. Даже коня нового вызвать не смог.

В дверь постучали.

Кого там принесло?! Опять эти огненные дуры?!

Вскочив с кровати, Кенниг шагнул к двери, рывком распахнул дверь:

– Я же сказал, в стацию превращу! – зло рявкнул маг и замер, ошарашенно уставившись на посетителя.

В коридоре стоял, осторожно держась рукой за косяк Рикмир.

– Я не вовремя?

Что не говори, а Одильох знал свое дело. С лица предсказателя пропала повязка, и пусть по коже расползались пятна ожогов, а обожженные огненной плетью глаза были покрасневшими – но они были! Рикмир, похоже, вновь мог видеть...

Если целитель за два дня вылечил слепца, то с ранами Эрменгильды он сможет разобрататься и того быстрее.

Все это промелькнуло в голове у водяного мага за одно мгновение.

– Все нормально, – тихо буркнул Винтар. – Что ты хотел?

– Сказать, что тебе нужно.

– Я не просил о предсказании, – отрезал колдун.

Его собеседник покачал головой:

– Ты не понимаешь... Есть предсказания, о которых спрашивают. Дорог много, и ты с трудом можешь рассмотреть ту, пойти по которой необходимо конкретному человеку. А есть пророчества, которые приходят сами. И если не сказать о них, будет плохо тебе самому... С водяной магией так же?

Кенниг отвел взгляд:

– Почти, – распространяться о том, как каждая капля дождя, каждый ручеек отзываются отдельными, прошивающими все тело потоками энергии, он не собирался.

Губы Рикмира тронула легкая улыбка.

– Будешь слушать?

– Говори, – вздохнул Винтар.

Взгляд карих глаз стал отсутствующим. Предсказатель смотрел на водяного мага, но, казалось, не видел его...

– Тебе нужно совершать глупости...

Витар криво усмехнулся:

– Да я их за последнее время столько совершил!

Рикмир покачал головой:

– Ты не понимаешь... Ты стараешься поступать по уму, и ошибаешься... Действуй сердцем... Совершай глупости...

И, прежде чем Кенниг успел хоть что-то сказать, предсказатель отступил на шаг и затерялся в сгущающихся в коридоре сумерках...

Мужчина захлопнул дверь. Глупости! Да их на его счету столько, что на каждого жителя Фрисии хватит!

Винтар оперся спиной о стену, запрокинул голову к потолку и криво усмехнулся. Нужно делать глупости. И что у нас сегодня к ним относится? Разгуливание нагишом по замку? Или может, распевание серенад под окном случайно выбранной прекрасной дамы? Или нет, путешествие в Утрехт в компании ратмана, способного опознать в Кенниге если не помощника Аурунд, так недавнего посетителя, пытавшегося получить сведения об одном из домов Бирикены – точно.

О, да. Только вот поездки в Утрехт и не хватало. В Лундер – надо, в Борн – надо, осталось только в Утрехт.

Винтар замер, ошарашенно уставившись в темноту.

Утрехт. Стоп. А в какой стороне вообще находится Утрехт?

Карта. Срочно нужна карта.

В Бруне точно были карты. Если они, конечно, не были сожжены саламандрой.

Осталось только припомнить где именно.

В комнате, которая была кабинетом старого правителя? Или нет?

Впрочем, был всего один способ выяснить это.

Можно было, конечно дождаться утра, но Кенниг был уверен, что он уже не уснет...

Короткий взмах, и над плечом запульсировал голубым светом Знак Льда. Винтар шагнул в темный коридор... Осталась самая мелочь. Вспомнить, где находится нужная комната. Если там, конечно, что-то сохранилось.

Искать пришлось долго. Пробираться по темным коридорам, останавливаться у мрачных провалов, ведущих в остатки комнат, разглядывать закопченные стены, надеясь, что сохранившаяся обстановка подскажет, далеко ли находится нужная комната.

В те помещения, у которых сохранилась дверь, Винтар пока не заглядывал, решив оставить их для второго круга, если с первого раза ничего не обнаружится: в конце концов, в замке ночевали еще люди, и вряд ли кому-нибудь понравится, если ему в спальню – какой бы полу-

разрушенной она не была – вломится посреди ночи мрачный водяной колдун и сообщит, что просто – напросто ищет карту.

Когда Кенниг был готов уже отправиться по второму кругу – в конце концов, не одному же Винтару не спать всю ночь! Пусть остальные тоже делом займутся! – колдуну показалось, что в неверном свете Знака Льда промелькнуло что-то знакомое. Маг щелкнул пальцами, заставляя светящуюся фигуру взлететь повыше, и шагнул в темную комнату.

Разрушенный кабинет. Затянутый зеленым сукном стол с подломившимися ножками. Покрытый пятнами копоти паркет. И почти не пострадавшая карта на стене.

Видел Винтар ее раньше или нет? Бывал в этой комнате или попал сюда впервые? Слишком много вопросов, на которые нет ответов.

Мужчина поскреб ногтями заросший подбородок – нет, точно надо побриться, тем более маскировка уже не нужна, из Бирикены маг, в любом случае, скоро уедет – и, вздохнув, подошел к карте.

Что тут у нас?

Водяной маг медленно повел пальцем по бумаге.

Фриссия. Пять лорд-манорств. Гарделлегенер на западе, Утрехт на севере, Либеннау и Ругея на юге и Борн на востоке.

Бирикена находится на юго-востоке Ругеи, в пяти днях пути от границы с Аламанией. Ратману надо на север, вверх по карте. Если двигаться по Королевскому тракту, недели через три как раз доберешься до Утрехта. А там уже, по лесам и до границы с Гэрулией недалеко...

Это все понятно, но есть ведь еще одно обстоятельство, на которое Кенниг не обратил сразу внимания. Лундер тоже находится на севере от Бирикены. И полторы недели пути как раз надо ехать по Королевскому тракту.

Это потом уже съезжаешь на боковую дорогу – она за последние пять лет сама уже как тракт стала, только что имени не приобрела – три дня пути, и ты в Лундере.

Кенниг медленно опустился на останки полуразвалившегося стола.

А ведь можно не искать Эрменгильде коня. Достаточно всего лишь натянуть плащ инквизитора, взять с собой слугу в мужском платье...

Это идиотская идея. Он не сможет поехать с ратманом. С ним нужно будет ехать в одной карете, поддерживать диалог, о чем-то разговаривать, поддакивать... День – два, и Таузиг легко поймет, что инквизитора подменили.

Или не поймет, если предпринять необходимые предосторожности...

И что тогда это будет, если не глупость?

Без Менриха эта затея была с самого начала обречена на провал: и голоса у Винтара и Гирша были разные, и рост, и телосложение отличалось... Но с другой стороны – если судьба предоставила такой шанс, если можно большую часть пути до Лундера проехать, не заботясь о лошадях, пропитании и ночлеге, то этим ведь можно воспользоваться!

Честно говоря, будь на то воля Кеннига, он бы еще ночью занялся подготовкой к походу, но бегать по всему замку, искать в какой комнате заночевал иллюзионщик, было слишком муторно, и только это заставило водяного колдуна отложить это занятие до рассвета.

Утром, едва рассвело, мужчина отправился искать Менриха. Обнаружить его удалось через полчаса, во внутреннем дворе. Парень, присев на покосившуюся коновязь, меланхолично наблюдал за Урсольдом. Каменный маг медленно, как будто преодолевая огромное сопротивление, вел рукою снизу вверх – и вслед за его пальцами плиты, замостившие внутренний двор, дыбились волнами, пытались выстроиться в стены...

Услышав шаги, Урсольд вздрогнул, отвлекся, и возведенная его стараниями стена, рухнула вниз, осыпавшись невнятной грудой, и чудом никого не задев.

– Тот, Кто Рядом! – зло ругнулся маг.

Мерих покосился на подошедшего Винтара, и фыркнул:

– Он с рассвета пытается. До сих пор ничего не вышло.

– Пытается – что?

– Заняться ремонтом! – зло буркнул Урсольд. – Если мы намерены оставаться в Бруне, то нужно что-то делать, ремонтировать! Жить в этих развалинах невозможно.

Винтар удивленно заломил бровь. С точки зрения водяного мага, оставаться в обветшалом замке было безумием. Если сюда в ближайшее время не повадятся жители Бирикены, желающие пообщаться с многомудрым инквизитором, то через полгода уж точно лорд-манор заинтересуется, с какого перепугу кто-то живет в его родовом замке, пусть и разрушенном.

Впрочем, переубеждать кого бы то ни было, Кенниг не собирался. Своей головной боли хватает, чтоб еще чужой заниматься.

– Не буду отвлекать, – кивнул он и шагнул к Менриху: – Пошли, поговорить надо.

Для разговора, конечно, стоило подыскать подходящее место, но Винтару было совсем не до этого, а потому он, дождавшись, когда иллюзионщик пойдет за ним, просто шагнул в ближайший проход, некогда закрытый дверью... и лишь спустившись на несколько ступенек по уходящей вглубь лестнице, понял, что он забрел в тюрьму. Туда, где Аурунд некогда держала пленников...

Впрочем, времени на то, чтоб что-то менять, не было. Кенниг остановился, обернулся к замершему на пороге Менриху. Тот, неловко потирая запястья, оглядывался на светлое пятно выхода и явно не мог понять, зачем его позвали.

– Ты рассказал о предложении ратмана?

– А?! – Менрих вздрогнул, перевел взгляд на водяного мага. – А, да, конечно, рассказал.

– И?

– Никто не хочет. Ему можно смело отказывать, никто не поедет.

Кенниг криво усмехнулся:

– Я бы не был столь категоричным.

Менрих вновь вздрогнул:

– Вы хотите отправиться с ратманом?!

– Именно. Но без твоих иллюзий я не справлюсь.

– Я... Я не могу! Я долгу не протяну! И...

Винтар хмыкнул:

– Если бы ты был так бесполезен, как пытаешься меня убедить, Гирш бы не оставил тебя в живых. Твои иллюзии ведь не настолько слабы и коротки, верно?

Он блефовал. Откровенно блефовал. Шел по тонкому льду и мог провалиться в любой момент. Парнишка действительно мог быть посредственным магом, которого оставили в живых из-за какой-нибудь прихоти... Да даже если у него действительно были хорошие способности! Стоило мальчишке по-настоящему испугаться, заспорить – и любая попытка уговорить его отправиться в Лундер была бы обречена на провал.

Но Менрих замер, кусая губу, а потом вскинул глаза на Винтара:

– Не всегда... У меня неустойчивый Дар...

– Талант, – поправил его маг.

Парень даже забыл, что он нервничает:

– Что?

– Не дар, талант. То, что ты умеешь создавать иллюзии, это Талант, а не Дар. Дар неизменен и стабилен. Талант можно развить и усилить.

Так всегда говорила Аурунд.

Сердце кольнуло недоброй иголкой. Зря он это вспомнил, зря.

Впрочем, иллюзионщик воспринял эти слова, как данность.

– Пусть так... Но мой Талант нестабилен. Сегодня я могу заставить целую толпу увидеть, что по небу летит стая коров, а завтра – не смогу даже голос у канарейки изменить!

– Это и есть – Талант. Его нужно постоянно развивать, им надо постоянно заниматься... У нас мало этому учат, другое дело в Дертонге, – Кенниг запнулся, почувствовав, что он слишком увлекся, и поспешно поменял тему разговора: – Если твой Талант все таким может быть сильным, почему вчера для разговора с Таузигом был нужен именно я?

Иллюзионщик долго молчал, и Кенниг уже заподозрил, что ответа он так и не получит, когда парень внезапно выдохнул:

– Вы его не бойтесь. В отличие от остальных

Водяной колдун решил, что он ослышался:

– Таузига?!

За что его бояться?!

Менрих отвел взгляд:

– Он еще при ведьме ратманом был. Общий язык с ней нашел...

Сперва Винтар не понял, о какой ведьме идет речь. Но когда до него дошло... Интересно, а что бы сказала вся эта толпа магов – недоучек, если бы кто-нибудь из них узнал биографию самого Винтара?! Адала с Лиубой не в счет, у них, как и у Гирша – ну, и у самого Кеннига – рыльце в пушку. А вот остальные...

Да уж, лучше всего со всей этой компанией воспоминаниями не делиться...

Не поймут.

Впрочем, иллюзионщик уже поддался, начал рассказывать. А значит, стоит чуть-чуть надавить, и он сломается, согласится поехать.

Надо только знать, по каким болевым точкам бить...

...Ратмана принимали все в том же кабинете. На этот раз, ради разнообразия, из «слуг инквизитора» кроме Менриха присутствовали привадчица Хасса и водяной маг Фалько. Остальным, похоже, эта беседа была не интересна.

Таузиг, пришедший, как и в прошлый раз, с секретарем, сидел в кресле вытянувшись, словно кол осиновый проглотил, и лишь изредка бросал любопытствующие взгляды по сторонам.

Винтар, вошедший позже всех, медленно опустился в свободное кресло и одернул капюшон, пряча лицо. Не хватало только проколоться в самом начале.

Тишина затягивалась. Ратман зябко подернул плечами и решил:

– Господин инквизитор?

Водяной колдун перевел тяжелый взгляд на посетителя:

– Я обдумал ваше предложение, господин ратман... – теперь выдержать паузу. И можно продолжать: – Я могу принять его, при выполнении ряда условий. Во время путешествия мне нужна отдельная карета. Для меня и моих слуг, – ратман встревоженно дернулся, явно собираясь начать спорить, но Винтар продолжал все тем же тихим ледяным голосом, не давая посетителю вставить ни слова. – Во время ночевки – мне нужна отдельная комната в гостинице. Для меня и моих слуг. Ну, или отдельный шатер, если мы будем ночевать вне городских стен.

Если это будет выполнено, общение с Таузигом и его спутниками, сколько бы их не было, можно будет свести до минимума. Ну, а если не будет – удобный повод отказаться от путешествия в таком сопровождении.

– Но, господин инквизитор, – торопливо начал посетитель, – вы не понимаете! Это очень дорого! Рат не сможет выделить такие большие суммы...

– Нет, господин ратман, – мягко улыбнулся Винтар, – это вы не понимаете, – стоящий у двери Менрих вздрогнул, по лбу потекла тонкая струйка пота. Кажется, парню было все труднее удерживать иллюзию. Водяной колдун понял, что представление пора заканчивать: –

Это вы пришли ко мне, и сейчас я рассказываю, на каких условиях я мог бы принять ваше предложение... Если вы не согласны – дверь за вашей спиной.

Ратман сидел, нервно потирая руки. Ему явно не хотелось таких больших трат – на карету, на дополнительную комнату, но, в конце концов, жадность все-таки проиграла:

– Я согласен! – выпалил он. Застыл на миг. Словно обдумывал свои слова, а потом закончил мысль: – Карета будет ждать у ворот Бруна на рассвете. Сколько человек с вами поедет, господин инквизитор?

– Двое, господин ратман.

Осталось только найти мужское платье для Эрменгильды...

Кто бы там что не говорил, а контракты всегда надо подписывать на трезвую голову. Пусть даже обычай утверждает, что для найма ландскнехта или шварцрейтара достаточно кружки пива с брошенной на дно монеткой, но, когда это самое пиво следует за несколькими бутылками вина, лишний раз убеждаешься, что пьянство в этом деле не поможет.

Мадельгер Оффенбах сидел, обхватив руками голову и не отрывая злого взгляда от расстеленного на столе пергамента, придавленного, чтоб не сворачивался, двумя тяжелыми монетами, липкими от пива. Деньги лишний раз подтверждали, что контракт все-таки был заключен. Это если какой-нибудь идиот ландскнехт посчитает, что размашистой подписи «Мадельгер Оффенбах» внизу листа ему недостаточно. Чуть ниже, у самой кромки листа, красовался кривой крестик – в ознаменование того, что некий – Оффенбах скользнул взглядом по «шапке» текста – Росперт Барнхельм тоже решился на эту авантюру.

Нет, ну, естественно! Без Росперта ничего и не могло обойтись!

Мужчина поморщился. Голова гудела так, словно под черепом весь Старший Собор решил отметиться.

Ландскнехт обвел тяжелым взглядом помещение, в которое вчера вечером затащила его судьба – распутница. Небольшой трактир на окраине вольного Гермершхейма. Общая зала, пустая в это время суток. Столы без скатертей. Тяжелые лавки. Засиженные мухами окна. Мерзкое, в общем, место. И надо ж было именно здесь заказать вина... Потом этот вербовщик подсел...

Лавка напротив скрипнула, когда на нее кто-то опустился всем своим весом, и ландскнехт перевел тяжелый взгляд на неожиданного соседа. Через стол сидел, ухмыляясь во все тридцать два зуба, до омерзения свежий и трезвый Росперт.

Шварцрейтар провел ладонью по спутанным русым волосам и кивнул на контракт:

– Читаешь? И что там интересного?

Мадельгер, чувствуя, что он сейчас сорвется, прикрыл глаза, медленно досчитал до десяти и обратно, и лишь тогда решился ответить:

– То есть ты не читал, что там написано?

Новая широкая улыбка:

– Так я не умею. Кружка пива, монета... Это ты у нас в команде – мозги, грамоте обучен, а я так, примазался. Так что там интересного?

– Росперт, какой же ты идиот! – простонал наемник. – Тебя что, Тот, Кто Рядом, за руку тянул, когда ты этого вербовщика к нам притащил?

– Да в чем проблема?! – не выдержал Барнхельм. – Контракт, как контракт, не хуже и не лучше другого. Вот, теперь деньги есть! – шварцрейтар потянулся за одной из монет. – Будет хоть, на что выпить!

Мадельгер хлопнул его по ладони и зашипел:

– Не трогай!

– Не понял? – заломил бровь шварцрейтар.

– Обычай помнишь? Пока монету не взяли – контракта нет! А бумажку можно в отхожем месте утопить.

Росперт ослабил:

– Тухлый номер. Из кружки деньги вытащил? Значит, уже тебе заплатили!.. Трактирщик, – мужчина щелкнул пальцами над плечом, – вина, и поживее!

Шварцрейтар дождался заказа, смахнул с черных брюк капли разлитого вина из неловко поставленного кувшина и вновь повернулся к приятелю:

– Ну? Рассказывай, что тебе в контракте не нравится?

– Ты его читал?! – взвился ландскнехт. Наткнулся на радостный оскал приятеля и запнулся: – А, ну да, я уже спрашивал... – мужчина выдернул из руки приятеля кувшин, отхлебнул из горла, прикрыв на миг глаза, и вздохнул: – И откуда только такие идиоты берутся?

Росперт терпеливо ждал: ландскнехт очень быстро вспыхивал, но уже через несколько секунд остывал, успокаивался, а потому лучше потерпеть пару минут, послушать о себе немного нелицеприятного... и все-таки в итоге получить ответ на поставленный вопрос.

Мадельгер скривился:

– Я снизу договора начну... – палец чиркнул по бумаге. – По контракту – мы едем в Борн. Я двенадцать лет назад поклялся именем Единого, что никогда туда не поеду! И когда нарушил обет, получил ошейник! У меня нет ни малейшего желания...

– Слушай, – перебил его Росперт. – А ведь я тоже давал когда-то какой-то обет! – шварцрейтар задумчиво поднял глаза к закопченному потолку, будто надеялся там что-то обнаружить. – В чем ж я клялся-то, а?.. О! Точно! Я пятнадцать лет назад поклялся именем Того, Кто Всегда Рядом, что никогда не возьму ученика... Что делать будем?.. О! Знаю! Кайо будет твоим учеником, а в Борн еду я. Ну и тебя с ним за компанию беру... С обетами разобрались, что там дальше?

В карих глазах Барнхельма блестела ничем не прикрытая издевка. А вот разные глаза Оффенбаха – один голубой, второй зеленый – светились явной угрозой. Еще пара мгновений – и кувшин полетит в голову одному чересчур болтливому шварцрейтару.

Впрочем, всего пара ударов сердца – и ландскнехт опустил голову, медленно разжал пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в кувшин, и перевел взгляд на бумагу.

– Два месяца. Контракт длится два месяца. За это время можно не то, что до Борна добраться, даже в Дертонг съездить и вернуться! Зачем они вписывают такой длительный срок в контракт?!

Барнхельм пожал плечами:

– А может мы будем день ехать, два отдыхать. Там же, если верить вербовщику, задание – сопроводить в целостности и безопасности до Борна и по Борну. Ну, написали вместо трех недель два месяца, разве это проблема?

Разноглазый сцепил зубы. Кажется, этого придурка ничем не проймешь!

– Хорошо! А про это ты что скажешь?! Тут написано, что нанимают двух шварцрейтаров, а не ландскнехта и рейтара! Где мы второго возьмем?!

Росперт только ухмыльнулся:

– Да какие проблемы?.. – и, прежде чем его приятель успел хоть слово сказать, оглянулся через плечо: – Где там Кайо запропастился?!

Мальчишка словно только этого и ждал. Он чуть ли не кубарем скатился по лестнице, ведущей на второй этаж, и вывалился на стол, рядом с собеседниками ворох какого-то черного тряпья:

– Вот!

– Молодец, Кайо, – Росперт погладил мальчишку по светлым растрепанным волосам: – Иди, займись каким-нибудь делом, киндеритто... О! Коня иди почисть!

Мадельгер подозрительно потыкал пальцем в притащенный Кайо ворох вещей:

– Это что?

Барнхельм, казалось, даже не услышал ответа. Проводил ребенка взглядом, дождался, пока тот выскользнет из трактира на улицу, и тихо протянул:

– Вот как он каждый раз угадывает, когда он нужен? Я ж его не звал, не кричал... Может он колдун какой-то?

Разноглазый поднял на приятеля скептический взгляд:

– Да какой из него колдун?! Так, маленький колдуненок...

– Колдунитто! – нравоучительно поправил его приятель.

– Росперт! – не выдержал ландскнехт. – Я тебя когда-нибудь убью, если ты продолжишь коверкать...

– За что?! – в голосе мужчины звучало искреннее удивление. – Я говорю на родном языке!

Мадельгер склонил голову набок:

– Come posso arrivare in biblioteca?¹

– Что? – нахмурился Росперт, не понявший ни слова.

Разноглазый только скривился:

– Это было на дертонжском.

– Вот видишь! – патетически всхлипнул шварцрейтар. – Я так долго живу за границей, что уже начал забывать родную речь! Узнай это моя покойная матушка, она бы... – мужчина запнулся на полуслове и почесал затылок, задумчиво протянув: – Кровь Единого, а что б она сделала? Надо ведь что-то покрасивее придумать... Чтоб, значит, до слез продирало... – он поднял глаза на приятеля: – Одуванчик, ты не знаешь? Что бы сделала моя покойная матушка?

У Мадельгера уже даже не было сил, чтобы ругаться из-за того, что его называют Одуванчиком. Разноглазый сдавленно застонал, облокотившись о стол и обхватив руками голову... И только сейчас заметил одну очень важную вещь.

Рука скользнула по поясу:

– Где мой кацбальгер?!²

– Так я его продал! – радостно объяснил Росперт.

– Что?! – Мадельгер даже о головной боли забыл. – Он же стоил пять таллеров³!

Росперт задумчиво возвел очи горе, словно на потолке должен был быть написан ответ:

– То есть за два таллера я продешевил?

– Росперт! Я тебя убью! – прошипел ландскнехт, нащупывая на столе кувшин. У мужчины было дикое желание запустить его в голову приятелю.

Барнхельм вскинул руки:

– Я все нормально сделал! Вон, купил тебе платье, коня... Осталось рейтшверт⁴ найти – и ты готов к путешествию!

– Там же баланс совсем другой! – простонал разноглазый. – Я даже полуторника сто лет в руке не держал.

– Ну так я ж не панцерштехер⁵ тебе предлагаю! – возмутился его приятель. – Хотя, подожди... Хочешь сказать, ты ни разу биденхандером⁶ не пользовался?

---

¹ Come posso arrivare in biblioteca? – как пройти в библиотеку? (итальянский)

² Кацбальгер – «кошкодер», короткий ландскнехтский меч для «кошачьих свалок» (ближнего боя) с широким клинком и сложной гардой в форме восьмерки.

³ Крейцер – денежная единица. 1 таллер = 2 гульдена. 1 гульден = 60 крейцеров. 1 крейцер = 4 пфеннига. 1 пфенниг = 2 геллера

⁴ Рейтшверт – (буквально: «Меч всадника» или «меч рейтара») холодное оружие. Нечто среднее между лёгким длинным мечом и тяжёлой шпагой – шпажная гарда в сочетании с длинным клинком, лёгким и узким по сравнению с мечом, тяжёлым и широким по сравнению со шпагой.

⁵ Панцерштехер – (буквально: «пробиватель брони») разновидность двуручного меча.

⁶ Биденхандер – двуручный меч ландскнехтов.

Оффенбах только скривился:

– Если ты не забыл, я пока что еще не допельсольдер⁷. И не особо туда рвусь.

– Ну конечно, – не удержался от подколки Росперт. – Куда проще рясу натянуть и монахом прикинуться.

Ландскнехт почесал ладонь и поднял задумчивый взгляд на приятеля:

– Там возраст второго рейтара не указан? Если я тебя сейчас прикопаю где-нибудь за углом, Кайо за наемника сойдет?

– Нельзя меня прикапывать! – возмутился мужчина. В голосе как-то резко прорезался акцент: – Ми ест родом из Дертонга, ми ест подданный Ее Величестф, и нэ фаш фарварский королефств решайт мой судьба!

Мадельгер страдальчески закатил глаза и вздохнул, вставая:

– Ладно, «Подданный Ее Величеств», пошли посмотрим, что за одрань ты мне купил... Тряпки забери, мне их еще мерить.

Хорошо хоть, Росперт продал только кацбальгер, а не снял с пальца у ландскнехта оставшееся с давних, еще монастырских времен кольцо – тонкую полосочку металла, украшенную переплетением тайных знаков...

...До конюшни приятели, хвала Единому, дошли без происшествий. Не считать же за таковые, в самом деле, выплеснутые из окна помои, чудом не попавшие на голову Росперту. Шварцрейтар в последний момент успел прыгнуть вперед, и ведро грязной воды, плюхнулось на мостовую прямо перед Мадельгером, заляпав сапоги и оставив мокрые пятна на брюках. Ландскнехт тихо ругнулся через зубы – теперь хочешь не хочешь, придется снимать свои шикарные штаны с разрезами и натягивать траурный наряд шварцрейтара.

Чуть слышно скрипнула дверь, приятели зашли в конюшню... И поняли, что проблемы только начались.

Кайо, которому полагалось чистить коня, сидел на полу рядом с денником, напряженно закусив губу и держа руки на уровне груди и сложив ладони «домиком». У ног мальчишки лежала горстка зерна, позаимствованного из яслей. И все бы было ничего, но на глазах пораженных наемников из кучки вдруг выстрелил упругий зеленый колосок. За ним – второй, третий. Побеги росли, колосья наливались зерном...

– Колдун, – только и смог выдохнуть ландскнехт.

– Колдунитто, – мрачно согласился с ним шварцрейтар. – Зря я его в том лесу подобрал...

***

Девять лет назад.

С тех пор, как в Ругею пришла ведьма, границы в этой части Фриссии стали чем-то совершенно условным. Пусть Либеннау и находилось под властью короля, но опасная близость с горным лорд-манорством и полное отсутствие контроля в этой части страны позволяло спокойно покидать Фриссию, а потому наемники легко переходили в поисках заработка в соседнюю Аламанию и обратно.

В то утро Росперт Барнхельм как раз возвращался после окончания очередного контракта из Аламании. Граница уже давно осталась за спиной, а впереди расстились бескрайние поля и леса Либеннау – одного из пяти лорд-манорств Фриссии.

По всем расчетам выходило, что один раз придется переночевать вне стен города, в небольшом леске неподалеку от границы с опасной Ругеей, а уже на следующую ночь можно будет спокойно разместиться в какой-нибудь деревеньке.

---

⁷ Доппельсольдер (буквально: двойной наемник) – Солдат «двойного жалованья», получающий удвоенную плату за то, что подвергается максимальному риску. Чаще всего, опытный ветеран.

Конечно, будь на то воля самого Росперта, он бы не возвращался в Фриссию ближайше пару лет: слухи про ведьму ходили все страшнее, и кто его знает, ограничится она одним лорд- манорством или замахнется и на соседние, решив попробовать всю страну на вкус, но контракт в приграничных аламанских землях был окончен и надо было возвращаться обратно, тем более, что податься вглубь соседней страны Барнхельм не мог – для этого нужно было в совершенстве знать язык: если в приграничных землях говорили на смеси фрисского и аламанского и, даже не владея иностранными языками можно было все равно договориться, то ехать вглубь чужой страны не было никакого смысла.

В свои двадцать два Росперт Барнхельм, сирота без роду и племени, наемничал уже долгих семь лет и считал себя вполне опытным шварцрейтаром, так что ночевать без крыши над головой было ему не привыкать. Конечно, была некоторая опасность в том, что до мятежной Ругеи рукою подать, но ведь и продавать свой меч – дело рискованное. Да и вообще, в земли, находящиеся сейчас под рукой ведьмы, конник соваться не собирался, а потому надеялся, что сможет добраться до жилья без происшествий.

А там можно будет и в какой-нибудь город податься. В конце концов, наемники нужны всем. Кому-то – груз сопроводить, кому-то город защитить, кому-то крепость взять... Без ломтя хлеба и стакана пива не останешься.

Дорога вела через лес. Конь несмело шагал по едва виднеющейся тропинке, проглядывающее меж ветвей небо уже начинало темнеть, и рейтару, для того, чтоб скакун не сломал ноги, попав в какую-нибудь яму, ничего не оставалось кроме как спешиться. Где-то вдали, среди деревьев, противно засмеялся сыч. Барнхельм вздрогнул от неожиданности:

– Тьфу ты, проклятая птица! – и ускорил шаг.

Черный плащ зацепился за ветку, пришлось распутывать.

Новый крик. Парень опять ругнулся, да так и замер. Это ведь был не сычиный крик. Да и не сова сейчас кричала. Рано еще для них.

Земли, приграничные с захваченными ведьмой, опасны. Люди уже долго живут под вечным страхом – а никак вздумает она и на соседние- лорд- манорства замахнется, тем более, что король безмолвствует.

Росперт твердо знал – с тропинки сворачивать нельзя: Тот, Кто Всегда Рядом, знает, что там притаилось в кустах, но крик повторился снова. Слабый, едва слышный на таком расстоянии – не удивительно, что с птичьим спутал... И снова... И опять... Заплясал меж деревьев... Такой странный... Такой похожий на... детский плач?

Барнхельм проклял свое любопытство и потянул коня за узду, сводя его с тропинки.

Идти пришлось долго. Крик иногда затихал, сходил на нет, и шварцрейтару приходилось останавливаться, пытаясь определить, откуда раздается звук.

Наконец, почудилось, что он уже рядом, вот кажется оглянись вокруг, руку протяни, сделай несколько шагов... Под ногами хрустнула сухая ветка, и плач стих.

Лишь ветер перебирал начинающую желететь листву деревьев.

Росперт замер, оглядываясь по сторонам, на что-то еще надеясь... Бесплезно. Тишина. Еще и смеркаться уже начало.

И вот что теперь делать?

Идя на звук, юноша совершенно не задавался вопросом, а в какую же сторону он бредет и сейчас зашел в такую чащобу, что без проводника и не выберешься. Деревья плотно обступили небольшую полянку, кусты ощерились кривыми ветвями. Мрачное, в общем место.

И хорошо, если рейтар все еще находился в Либеннау. Пограничный лес тянется далеко и можно спокойно перейти в соседнее лорд- манорство. И будет совсем не хорошо, если вдруг столкнешься с подданными ведьмы. Выяснить, как они относятся к чужакам Барнхельму совсем не хотелось.

В кустах мелькнула серая, едва заметная в надвигающихся сумерках тень. Гнедой Сигурд встревоженно замотал головой и зафыркал.

– Тихо, тихо, мальчик, – шепнул рейтар, успокаивающе похлопав лошадь по шее.

Нужно было выбираться отсюда. И как можно быстрее.

Росперт оглянулся по сторонам. Ругея на востоке от Либеннау. Не зависимо от того, успел он перейти границу между двумя лорд- манорствами или нет, главное сейчас – не уходить вглубь земель ведьмы. Значит, идти надо было, в любом случае на запад. Хорошо хоть солнце еще за горизонт не село, можно разобраться, где тут восток.

Парень вздохнул:

– Поможет мне Единый, – и потянул коня в сторону, искренне надеясь, что он правильно определил, где здесь запад.

Под ногами мелькали тени, идти становилось все труднее и труднее. Скоро окончательно стемнеет, и тогда уж точно будет бесполезно идти куда бы то ни было.

Находишь Росперт в обычном лесу и можно было бы уже располагаться на ночлег, но сейчас, когда не знаешь, где ты, в безопасной Либеннау или в захваченной черным колдовством Ругее, лучше не рисковать.

В кустах послышался какой- то всхлип, и шварцрейтар замер, напряженно вглядываясь в сгущающуюся темноту.

Блеснули желтые глаза, рядом на миг показалось что- то светлое... Шварцрейтар шагнул вперед и застыл, как вкопанный, разглядев, что на подстилке из палых листьев свернулась клубком волчица, согревающая своим телом мирно спящего младенца...

Человек осторожно шагнул вперед, и зверь в тот же миг вскинул голову, ощерившись, разглядывая нежданного гостя. Ребенок, крошечный, и пары месяцев не будет, заерзал и сонно захныкал.

Конь нервно всхрапнул. А Росперт стоял и просто не знал, что ему делать...

Волчица нервно дернула губой, меряя человека взглядом. В сумерках она казалась сотканной из теней и темноты. Таинственное создание Того, Кто Всегда Рядом. И лишь ребенок, сонно ерзающий в тугом клубке из меха, казался настоящим...

А затем зверь встал. Легко, словно перетек... Только что лежал, и вот уже стоит... Только хвост осторожно мазнул по щеке спящего младенца...

Тот, обнаженный, даже без пеленок, нервно захныкал, грозясь в любой момент проснуться и разразиться плачем...

А волчица вдруг отступила на шаг... И растаяла в темноте, словно и не было ее.

– Чтоб Единому всю бороду выдергали! – зло ругнулся шварцрейтар.

И вот что теперь делать?!

Разумеется, ребенка надо было оставить там, где он был. Нет ничего интересного в том, чтобы шляться по лесам Ругеи и Либеннау, пытаясь успокоить рыдающее дитя. И вообще, его чем- то надо кормить! Молока здесь нигде не найдешь! Да даже если на миг предположить, что младенец сейчас не голоден, потому что волчица как старинной сказке с какого- то перепугу решила выкормить подкидыша, вместо того, чтобы съесть его, он ведь проголодается завтра! И послезавтра! И послепослезавтра... И вообще, за ним надо как- то ухаживать, нянчить, пеленки менять! Шварцрейтару такого счастья и даром не надо! И вообще, двадцать два года – это совершенно не тот возраст, когда хочется заниматься чужими детьми!

– Чтоб тебя Тот, Кто Всегда Рядом, побрал, – печально вздохнул парень и, сняв плащ, осторожно закутал в него младенца.

Вольного шварцрейтара Росперта Барнхельма ждала впереди очень веселая ночька...

...Через пару дней в расположенную неподалеку от границы с Ругеей деревушку Ессау въехал злой как сама смерть шварцрейтар. Для самого Росперта эти два дня показались чем- то совершенно бесконечным. Ребенок постоянно плакал, замолкая так редко, словно решил при-

манить своим криком всех окрестных хищников. Еще одним приятным дополнением к этой прогулке было то, что плащ, щедро пожертвованный на пеленку, за эти два дня провонялся такими устойчивыми ароматами, что его можно было только на тряпки выкидывать. А ведь рейтар в свое время потратил на него целых пять крейцеров!

Нужно было срочно что-то придумать.

Решить проблему удалось с помощью все тех же денег. Всего три талера – на минутку все сбережения Росперта за последние полгода! – и одна из крестьянок согласилась забрать младенца, клятвенно пообещав, что эти деньги пойдут на его еду, одежду и прочее – прочее. Что там в это «прочее» входило, Барнхельму было не интересно. Главное, что парень избавился от головной боли, которую заимел по собственной же глупости.

Другими словами, Барнхельм обеспечил безызвестному ребенку полный пансион на ближайшие лет пять, потратив при этом солидную сумму денег. Впрочем, даже если бы местные вилланы потребовали вдвое больше, шварцрейтар бы отдал не задумываясь. Если бы у него конечно было.

Из Эссау Барнхельм уезжал с совершенно спокойным сердцем. Он был уверен, что больше он подобранного по доброте душевной мальчишку не увидит никогда.

... Четыре года спустя судьба – насмешница вновь занесла Росперта Барнхельма в эти земли. Пару месяцев назад шварцрейтар взял контракт на сопровождение купеческого каравана в Аламанию и сейчас, отработав, возвращался в родную Фриссию – что бы там парень не говорил о дертонжском происхождении, клейма о пересечении восточных рубежей у него не было.

В пограничье уже неделю гуляли слухи о смерти ругейской ведьмы. Если это было правдой, то новости, несомненно были хорошими – последние лет пять наемник даже не пытался соваться в опасные земли, а теперь открывались новые места заработка.

Впрочем, парень не спешил в соседнее лорд-манорство: пусть там все хотя бы слегка успокоится, а потом уже можно будет ехать, предлагать новому правителю свой рейтшверт.

На ночь рейтар остановился в небольшой деревеньке Эссау. Гостиницы в селении не было, так что Росперт попросился на постой у местного старосты. За пару пфенигов наемника накормили плотным ужином и позволили переночевать на лавке у камина.

Поутру, когда рейтар вышел во двор, готовясь отправиться в путь – парень рассчитывал добраться к концу месяца до Бюртена и уже в столице подбирать новый контракт, – прямо под ноги лошади выкатился клубок из сцепившихся в драке мальчишек. Вороная Гретта – Сигурд с полгода назад охромел, денег на его лечение не было, и коня пришлось продать – испуганно отпрянула в сторону, чудом не раскроив никому копытом череп.

Барнхельм дернул за поводья, оттаскивая кобылу в сторону от дерущихся мальчишек. Накинул узду на коновязь и, схватив ребят за вороты рубашек растащил их в разные стороны: благо обоим драчунам было года по четыре, не больше. Их даже удерживать можно было, особо не напрягаясь.

Хотя даже удерживаемые на вытянутых руках мальчишки пытались дотянуться до противника и если не ударить, то хотя бы ногой пнуть.

– А ну, прекратите! – Росперт встряхнул драчунов за воротники.

Мальчишка, удерживаемый в правой руке – светловолосый, растрепанный, чумазый как трубочист – презрительно плюнул в своего противника через щель в зубе.

Что самое удивительное – попал.

Левый «боец» – черноволосый и чем-то неуловимым похожий на местного старосту – взвизгнул раненой кошкой и попытался достать соперника ногой.

Промазал. Попал пяткой прямо по колену Росперту. Да так сильно, что парень чуть свою «добычу» не выронил.

– Что здесь творится?! – староста скатился по ступеням и поспешно подбежал к рейтару.

– Он первый начал! – обиженно завопил черноволосый.

– А что я ср- р- разу?! – светлый принялся размазывать грязь по щекам. – Он меня байстр- р- рюком обозвал! – видно мальчишка недавно научился произносить сложную букву и пока что с трудом ее выговаривал.

– А он...

Росперт выпустил рубахи пленников. Дальше сами разберутся. С точки зрения рейтара все было и так понятно – кто ругань начал, тот и виноват.

Впрочем, у старосты, похоже, была своя точка зрения:

– Ах ты ж отродье Того, Кто Рядом! – светловолосому, не успевшему даже шага в сторону сделать, достался щедрый подзатыльник. Голова мальчишки на тонкой шее дернулась, как у птицы, и он чудом не упал на землю, устояв на ногах лишь потому, что вцепился в плащ рейтару.

Черноволосый поспешно шмыгнул за спину старосте, прячась от врага, а деревенский глава снова замахнулся, но Барнхельм перехватил его руку:

– Но- но! Тот же вроде первый начал?

– Да эта безотцовщина врет, как дышит! – презрительно фыркнул староста. – Притащили его рейтары на мою голову!

Черноволосый показывал врагу язык из- за спины отца.

– Рейтары? – Росперт выпустил руку старосты.

Тут что- то было не так.

– Ну, не рейтары, – согласился глава. – Рейтар. Один. Принес младенца да подкинул. Не, он, конечно, заплатил, но деньги давно кончились, а этот... до сих пор хлеб зря ест! У, проклятое отродье! Подох бы год назад, когда голод в деревне был, уже б проще было! Так нет, живой до сих пор!

Чумазый светловолосый обиженно хлопнул носом.

Росперт покосился на мальчишку. В душу закрадывалась нездоровое подозрение, что он очень хорошо знал, как звали того незадачливого рейтара, подкинувшего младенца...

***

Мадельгер бросил короткий взгляд на упрямо тянущиеся вверх, к ладоням мальчишки, колосья и зло покосился на приятеля:

– Я всегда говорил, что не надо его с собой таскать!

– ..А еще я зря подобрал одного придурашного ландскнехта, – меланхолично закончил мысль Росперт.

***

Пять лет назад.

Гретта мерно вышагивала по тропинке.

Сидевший впереди Росперта мальчишка радостно подпрыгивал в седле и оглядывался по сторонам. При этом ребенок умудрялся изредка замирать и, склонившись к шее лошади и ласково перебирая прядки гривы, что- то нежно шептать ей на ухо. Кобыла фыркала и прятала ушами, а сам мальчишка уже пару раз чудом не сверзился на землю, так что рейтару приходилось все время поддерживать свою неожиданное приобретение.

Кстати, к слову о приобретении.

– Эй, киндеритто!

Мальчишка не обратил на оклик никакого внимания, а самому Росперту придуманное слово очень даже понравилось.

– Киндеритто! – парень потыкал пальцем между ребер мальчишке, – тебя как зовут, горе луковое?

– Каф- ф, – невнятно ответил мальчишка.

– Что? – о существовании такого имени Барнхельм и не слышал.

Ребенок оглянулся и, вытащив изо рта большой палец, внятно повторил:

– Кайо.

– Кайо, значит... – кивнул шварцрейтар. В голове не было ни единой мысли, что же делать дальше.

Ну, убедил он старосту отдать мальчишку ему. Но зачем?! Вот что с ним делать?! В приют сдать? Так ребенок оттуда через пару лет прямиком в работный дом попадет – а у самого Барнхельма об этом доме призрения сирот остались далеко не лучшие воспоминания. Это вообще чудо, что он в свое время смог оттуда выбраться и рейтаром стать. Того лорда, что помог, к лику святых при жизни причислить надо!

Мальчишка кивнул и вновь потянул руки в рот.

– И прекрати пальцы сосать! – строго потребовал шварцрейтар. – Не то в животе заведутся червяки с во- о- от такими зубами, – парень сложил из ладоней челюсти и для убедительности ими пощелкал, едва не выронив поводьев, – и будут кусать тебя изнутри!

Кайо ойкнул и поспешно опустил руки.

– Да и умыться тебе бы не мешало... – протянул Барнхельм. Принюхался и закончил мысль: – А еще искупаться и тряпки свои сменить.

Если рейтару не изменяла память, где- то здесь поблизости должен был быть небольшой ручей. После некоторых раздумий всадник свернул с тропинки:

– Сегодня мы, наверное, заночуем в лесу.

...После получасового блуждания в поисках знакомых ориентиров, Барнхельм, наконец, расслышал веселый звон воды по камням. Конь ускорил шаг...

Запах гари Росперт сперва не опознал. Мало ли что в воздухе промелькнуло, может, еще одно селение недалеко, или какой – нибудь путешественник, не побоявшись саламандр, костер развел... Но, когда отчетливо потянуло запахом дыма, рейтар понял, что он вляпался в очередные неприятности. Не хватало только в лесной пожар попасть. Не сгоришь, так с огненными духами столкнешься.

Всадник тревожно оглянулся по сторонам и принюхался, надеясь хоть что- то распознать. С какой стороны ветер? Где горит?

Треска горящих веток слышно не было, а вот гарью тянуло все отчетливей. Что за пакость?!

Похоже, искупаться в ручье было не суждено. Надо было как можно скорее возвращаться на тропинку и выбираться из леса.

Нажав шенкелями, Росперт заставил Гретту ускорить шаг... И через пару минут лошадь вышла на выжженную дотла поляну... Почерневшие деревья не горели, лишь слегка дымилась...

А на земле, скорчившись в позе зародыша, лежал на боку обнаженный до пояса человек, вокруг которого сновал, зло дергая хвостом, барс со шкурой, сотканной из пламени.

– Чтоб меня Тот, Кто Рядом подрал! – только и смог выдохнуть Росперт.

– Кися! – радостно взвизгнул мальчишка и, прежде чем рейтар смог его остановить, кубарем скатился с коня, чудом не расшибившись об землю.

Барнхельм резко натянул поводья, останавливая Гретту, надеясь, что он еще успеет прыгнуть на землю, перехватить мальчишку, но ладони Кайо уже коснулись огненного меха...

И зверь замер, настороженно глядя на людей. А мальчик еще раз счастливо вздохнул:

– Кися! – и обняв за шею огромную огненную кошку, спрятал лицо в ее шерсти, созданной из языков пламени.

Росперт не мог оторвать пораженного взгляда от разыгрывающейся перед ним сцены. Парень медленно, очень медленно, чтоб не раззадорить зверя, спустился на землю – Гретта раздраженно зафыркала, а Кайо порывисто отстранился от огненной твари и счастливо оглянулся на рейтара:

– Она хор-р-рошая!

Парень до последнего ожидал увидеть страшные ожоги, обугленную кожу, волдыри, покрывающие перепачканное лицо – жар, идущий от зверя, чувствовался даже на таком расстоянии – но, странное дело, найденыш, казалось, не испытывал ни малейшего неудобства.

– Ага, я вижу, – только и смог выдохнуть шварцрейтар.

Саламандра – а это могла быть только она – нервно косила взглядом, но нападать, вроде не собиралась. В голову закрался новый страх: а для того, чтоб в тебя вселилась саламандра, надо в огонь смотреть или вот так ее получить тоже можно? Росперт пару раз видел несчастных, заглядевшихся на пламя, умиравших в корчах от гуляющего по человеческому телу огненного стихияля... И честно говоря, испытывать это на себе совершенно не хотелось. Бродячего монаха для изгнания вселившейся в человеческое тело твари в этих землях днем с огнем не сыщешь – какой бы глупой шуткой это не звучало.

Крохотная детская ручка ласково перебирала огненную шерсть, и саламандра постепенно успокаивалась: смежила веки, медленно легла на землю, чудом ничего не подпалив... А еще через несколько минут вдруг и вовсе превратилась в дымное облачко, втянувшееся в руку лежавшего на земле человека.

– А где кися? – Кайо огорченно оглянулся на Росперта.

Тот, наконец, рискнул сделать шаг. Подошел к ребенку, опустил на колени и, стерев рукавом черного шварцрейтарского камзола сажу с маленькой ладошки, осторожно коснулся пальцем кожи. Ни малейшего намека на ожог. Словно и не было здесь никакой саламандры.

Ребенок зябко передернул худыми плечиками и хихикнул от щекотки, а потом вновь поднял требовательный взгляд на рейтара:

– Где кися?

– Чтоб я так знал, – вздохнул мужчина. Даже сейчас, когда саламандра пропала, от лежащего на земле тела шел нестерпимый жар. Такой, что заставляет морщиться и прикрывать лицо рукою, такой, что и не знаешь, не начнет ли на тебе тлеть одежда...

Мужчина покосился на неожиданную находку. Незнакомец лежал на боку, скорчившись, прижав сжатые кулаки к самому лицу. Из одежды – лишь дранные ландскнехтские брюки, некогда бывшие красно-желтыми, а сейчас перепачканные кровью, грязью, сажей...

И что вот теперь делать?

Разум подсказывал уходить с этой поляны как можно скорее, прихватив с собой ребенка. Еще более умная часть рассудка советовала и мальчишку с собой не тянуть: подкидывш без рода и племени, спокойно глядящий саламандру – это, знаете ли, не бродячий монах, ласково тянущий осанну. Неизвестно какие еще козыри этот самый Кайо прячет в своем драном вонючем рукаве.

Впрочем, это все подсказывал рассудок. Если бы Росперт его слушался, он бы давно уже был занят чем-нибудь более полезным и спокойным: корзины, например, в работном доме плел. Ну, или, хотя бы, сапоги тачал.

Шварцретар повернулся к лежащему и попытался перевернуть его на спину. Совершенно безуспешно, кстати: жар, как выяснилось, был вполне ощутимым, до кожи попросту нельзя было дотронуться – казалось, ты пытаешься схватить голыми руками раскаленную кочергу.

– Чтоб тебя Тот, Кто Всегда Рядом, к сковородам приставил! – зло ругнулся парень. Похоже, даже самым дурацким благим намерениям сбыться было не суждено.

Интересно, а если эту неожиданную находку полить водой из ближайшего ручья, она пеплом осыпется или попросту остынет? Впрочем, до ручья еще добраться надо было...

Оставалось только ждать. Ну или, конечно, можно было просто уехать. Можно было. Это здесь ключевое слово. Только кто бы поехал?

Росперт погладил по шее нервничающую Гретту и вздохнул:

– Ну, киндеритто, мы тут, похоже, задержимся... Есть хочешь?

– Да! – просиял мальчишка. Если он и не понял в начале, к кому вообще обращается шварцрета, то последний вопрос ему явно понравился.

Барнхельм принялся рыться в седельной сумке...

Примерно через час жар, идущий от тела, начал спадать. Еще через час Росперт даже смог дотронуться до плеча незнакомца, не боясь обжечься.

Самому ландскнехту в это время пришлось туго. По телу постоянно пробегали судороги, мышцы ходили буграми, словно под кожей снова невидимый комок...

Барнхельм осторожно перевернул неожиданную находку на спину.

Худой, перепачканный сажей человек. На лице и груди запеклись потеки крови, нос сломан...

И ведь где-то Росперт уже видел эту морду...

Как бы даже не на каком-нибудь контракте пересеклись.

И хорошо, если тогда на одной стороне были.

А если нет?

Шварцрейтар вздохнул, покосился на прозрачно-голубое небо над головой, расчерченное трещинами ветвей, поднял с земли бесчувственное тело, перекинул его через седло и, потянув за уздцы нервно косящую глазом Гретту, кивнул мальчишке:

– Пошли, нам надо до вечера выбраться из леса. Тем более, что в Ессау нас не ждут.

***

Мадельгер Оффенбах бросил на приятеля злой взгляд, но на этот раз отвечать не стал. Он даже не дождался, пока мальчишка отвлечется на них.

Просто шагнул вперед, присел на корточки перед Кайо и резко спросил:

– Что ты еще умеешь?

Ребенок, только сейчас заметивший, что в конюшню кто-то зашел, вздрогнул и судорожно задержал руками, словно надеялся ладонями придавить колоски к земле:

– Я?!.. Я ничего!.. Я не...

Оффенбах двумя пальцами перехватил тонкий росток, чуть сжал его... и спелый колос осыпался пеплом:

– Не надо. Мне. Врать.

Кайо вздрогнул и замер, затравленным кроликом глядя в глаза удаву – ландскнехту.

Копившаяся с утра ярость требовала выхода, под грудиной замер огненный комок, а в разноцветных глазах плясали всполохи алого пламени...

Мальчик сглотнул комок, застрявший в горле:

– Слышу, когда имя мое называют, да и вообще слышу... Растения вот... растут...

– ...И огня не боится, – в тон ему закончил стоящий на пороге Росперт.

Мадельгер вздрогнул, удивленно оглянулся на приятеля, а шварцрейтар пожал плечами:

– Он в свое время твою саламандру гладил, так что гаси всполохи в глазах – а то скоро лошади с ума сойдут – и займемся делом.

– Какую саламандру?! – удивленно ахнул мальчишка. У него уже давно все выветрилось из головы за давностью лет.

– Потом расскажу, киндеритто, – фыркнул Барнхельм. Помолчал и добавил: – Раз уж в этой компании я один подобрался нормальный, давайте, что ли делом займемся? Одуванчик, смотри своего коня, я тебе вон, вороного купил, и пойдем тебе рейтшверт по руке подбирать.

Проблемы начались с самого рассвета. Мало того, что Винтар совершенно не выпался, так водяному колдуну еще с самого утра пришлось озаботиться кучей мелких, но от этого не менее противных дел.

Сперва с трудом подобрали серый форменный костюм для Эрменгильды: большинство камзолов на хрупкой девчонке висело мешком, потом юная ведьма случайно выяснила, что ей надо будет обрезать волосы, чтоб хотя бы слегка походить на мужчину, и наотрез отказалась это делать. Менрих, смирившийся с тем, что он тоже уезжает из Бруна, попытался ее убедить, у него ничего не получилось, спор затянулся надолго... Наконец, Винтар, которому надоела эта тягомотина, зло гаркнул, что все, кто не хочет слушаться, остаются здесь и могут сами как хотят добираться в родные земли. Побледневшая госпожа фон Оффенбах недрогнувшей рукой стянула волосы в хвост и одним взмахом короткого ножа подровняла себе прическу.

Дальше возник вопрос с оружием.

Да, Винтар прекрасно мог обойтись создаваемым из воздуха ледяным мечом. Но если вдруг случится какая-нибудь оказия и драться придется при ратмане и его слугах – будет очень трудно объяснить, какая связь существует между инквизитором и водяной магией.

И хорошо, если в такой момент кто-то вообще будет тебя слушать.

До оружейной – благо, Кенниг помнил, где она находилась – взбесившаяся саламандра не добралась. В этом были, конечно, свои плюсы, мечи остались в целости и сохранности. Но ведь были и минусы! Дверь была замкнута, где находился ключ – было неизвестно, за давностью лет... Пришлось звать воздушного мага Фалько, чтоб тот вышиб дверь.

Колдун явился, зевая и потягиваясь. Покосился на тяжелый навесной замок... Резкий пас, упругая волна воздуха врезалась в дверь, с одного раза вышибла ее, унесла вперед в комнату, ударила о противоположную стену, сшибая развешанные мечи.

Парень покосился на молчаливого Винтара и хмыкнул:

– А в таверне с четвертого раза выбил.

– С пятого, – мрачно поправил его водяной маг. Он прекрасно помнил ощущения, ударившие по коже, когда воздушный таран разбил поставленную ледяную стену.

Фалько ухмыльнулся, потирая застарелый шрам на щеке:

– Выполняя любой приказ, можно стараться... А можно не стараться.

Кенниг молча проглотил издевку. Уж он-то во времена службы у Аурунд старался вовсю, это точно.

Меч по руке водяной маг выбрал недолго. Обычный полторник без украшений, удобно лежащийся в ладонь.

Кенниг сделал несколько взмахов... И с удивлением понял, что тело помнит движения...

До этого, когда водяной маг создавал клинок изо льда, он как-то никогда не задумывался о происходящем. Любая атака, любое парирование, любой удар, в конце концов, казались ему продолжением магии. Все происходило настолько естественно, настолько правильно, что мыслей о том, что он когда-то этому учился просто не возникало. А вот сейчас...

Меч был словно продолжением руки. Казалось, он уже когда-то сжимал в ладони эту рукоять, обвитую толстой проволокой...

И на рикассо⁸ клинка, у самой крестовины, рядом с клеймом «волчком», должна быть длинная царапина, задевающая хвост крохотного зверя и сходящая на лезвие.

Винтар медленно спустил палец с рукояти на клинок...

Клеймо мастеров из Пассау было. И царапина была. Такая же, как помнил водяной колдун.

Еще одна загадка памяти. Еще одна потерянная страница прошлого.

Кенниг оглянулся на стоящего в дверях Менриха:

---

⁸ Рикассо – незаточенная часть клинка, примыкающая к рукояти.

– Выбери себе оружие.

Иллюзионщик вскинул на него удивленный взгляд:

– Зачем?!

– Если в дороге кто-нибудь нападет, одними иллюзиями ты не спасешься. Особенно, если у тебя действительно такой нестабильный талант.

Парень медленно пошел вдоль стены, изредка замирая перед пирамидами с мечами:

– А... Смысл? Красиво разбрызгивая кровь по траве, перерезать себе горло?

Кенниг удивленно покосился на него. Иллюзионщик поворошил ногой груды мечей, рассыпавшихся по полу после того, как в оружейную выбили дверь и, подняв глаза на водяного мага, тихо пояснил:

– Я все равно фехтовать не умею. В Гарделлегенере горожанам запрещено пользоваться оружием.

Винтар пожал плечами:

– В Утрехте тоже.

Возникает только вопрос, где сам Кенниг научился. Не в Дертонге же, в самом деле. Из тех обрывков воспоминаний, которые можно собирать, складывается впечатление, что в Ватлуне он состоял в магическом цеху, а никак не при школе фехтования. С другой стороны, во время взятия Борна он уже всю пользовался ледяным мечом и только по стечению обстоятельств не перерезал глотку нынешнему мажордому лорд-манора Сьера.

Вопросы, вопросы... А ответы на них может дать лишь покойница, сожженная огнем вырвавшейся на свободу саламандры...

... Часа через два к Бруну подъехали две кареты.

Честно говоря, Винтар ожидал, что у ратмана все-таки будут еще сопровождающие. Водяного колдуна совершенно не прельщала мысль, что ему кроме Эрменгильды еще и всяческих Таузигов охранять надо будет.

Да еще и с секретарем. Тот, вообще, судя по ошарашенному взгляду, ничего тяжелее пера и чернильницы в руках не держал.

И вот тогда возникает вопрос. Если вся экспедиция состоит из Винтара с парой сопровождающих, ратмана Таузига, двух кучеров, пары лакеев, сидящих на запятках кареты, и секретаря – какова цель этого путешествия? Если ратман не потрудился взять с собой ни охранников, ни кнехтов, ни даже пару-тройку наемников, что он пытается скрыть и от кого? Не рассчитывает же он, в самом деле, что все эти роли будет выполнять лже-инквизитор со товарищи?!

Погружение в карету тоже не прошло без конфуза. Уж на что Кенниг пытался объяснить девчонке, что сейчас она играет роль слуги и сейчас должна садиться в экипаж после него, но стоило Менриху распахнуть дверцу, как юная ведьма тут же рванулась вперед. Хорошо, иллюзионщик смог перехватить ее за запястье у самой подножки и прошептать:

– Стой!

Девушка тормознула, сообразила, что она все делает не так и все-таки додумалась посторониться для того, чтоб пропустить вперед Кеннига.

Водяной колдун, запахнувшись в плащ и низко надвинув капюшон, медленно вплыл в экипаж, опустился на мягкий диванчик и устало вытянул ноги.

Путешествие обещало быть долгим...

Особенно, если учесть, что секретарь ратмана как-то слишком заинтересованно косился на слуг инквизитора. Ой, не доведет это до добра, зря Кенниг послушался предсказателя, ой, зря... «Совершай глупости», ага! Гениальный совет, ничего не скажешь.

Глухо щелкнула дверь. Винтар поднял глаза: на сидение напротив опустились Эрменгильда в мужском платье и Менрих. В одинаковых серых ливреях они казались родственниками. Оба тонкие, хрупкие, похожие на призрачные тени, случайно заплутавшие в этом мире.

Водяного колдуна кольнула глупая мысль – а не уточнить ли фамилию иллюзионщика. Тот, конечно, назвался Зоммером, но он ведь и соврать мог... Окажется сейчас каким-нибудь дворянином. Хотя нет, он же говорил, что бюргеры из западного лорд-манорства не владеют оружием. Значит, точно горожанин. Может, какой-нибудь бастард?

Хотя какое дело вообще до этого Винтару?! Да будь этот Менрих хоть сыном самого Эрихинбальда Смелого! Кеннигу от этого не тепло, не холодно.

Тут главное до Лундера спокойно добраться, чтоб никакой камень по голове не прилетел. А то сюда маг ехал на Угольке две недели, а отсюда – хорошо, если за двадцать дней доберется: кареты быстро не ездят.

Экипаж, мягко покачиваясь, тронулся в путь. Кенниг покосился на окно, задернутое штопкой, но снять капюшон так и не решился. Да, конных сопровождающих вроде бы не намечалось, но кто его знает, что будет дальше? Вдруг господин ратман образумится, кликнет слуг, и из Бирикены вслед каретам отправится отряд кнехтов? Будет очень неудобно, если кто-нибудь из них заглянет в карету и не обнаружит в ней инквизитора.

О том, как он в дальнейшем будет объяснять Таузигу, почему инквизитор в середине пути внезапно передумал ехать в Утрехт, Винтар постарался не думать. Если уж начал делать глупости, лучше всего разбираться с ними по мере поступления.

Коня Росперт выбрал просто отличного, нечего сказать. Вороной жеребец косил на Мадельгера карим глазом и нервно бил копытом. Впрочем, после подпаленных соломинок это и не удивительно. Хорошо хоть вся конюшня не разбушевалась. Было бы очень весело, если б лошади всех постояльцев внезапно решили, что ничего хорошего здесь ждать нечего и разнесли весь трактир к скримслам собачьим.

Оффенбах уже приготовился к тому, что ему придется очень долго успокаивать скакуна, но Кайо провел ладонью по храпу лошади, что-то ласково шепнул, и жеребец, вроде бы начал успокаиваться.

– Ну, хоть какая-то от тебя польза, – фыркнул ландскнехт.

Кайо промолчал.

Рейтшверт пришлось подбирать долго. Оффенбаху не нравилось буквально все. И баланс не такой, и клеймо фальшивое, и сталь слишком мягкая, и заточка плохая.

– Да что тебе нужно-то?! – взвыл Росперт, когда компания вышла от очередного оружейника.

– Мой кацбальгер! – зло обронил его приятель. – А его, между прочим, один придураченный рейтар продал за бесценок.

Барнхельм молча проглотил шпильку.

Честно говоря, шварцрейтар уже решил, что Оффенбах никогда не выберет себе меч – так и отправится на контракт безоружным. А что? Дешево и сердито. Безоружный рейтар. Не тычет во врагов всяческими острыми предметами, а всего лишь выпускает на прогулку «кисю». После этого, правда, самого «безоружного рейтара» можно хоронить, но это уже издержки профессии.

К удивлению Росперта, разноглазый вдруг шагнул в двери крохотной лавчонки, притаившейся за углом. Сам шварцрейтар никогда бы и не заметил это заведение, тем более, что у него даже вывески не было, а потому внутри, за покрытой плесенью дверью, могло быть все, что угодно.

Как ни странно, там действительно оказалась оружейная лавка. И вполне даже приличная, чего от нее совсем нельзя было ожидать. Отполированные мечи, развешанные на стенах, разбрасывали в разные стороны солнечные зайчики. Острые кинжалы, разложенные на прилавке, радовали взгляд. А стоявший у дальней стены продавец как раз пробовал пальцем остроту крохотного вальета.

Увидев вошедшую в лавку троицу – Кайю, памятуя о вспышках в глазах ландскнехта предусмотрительно держался сзади – купец шагнул вперед:

– Доброе утро, господа! Что Вам угодно?

– Пока посмотрим, – флегматично отозвался Мадельгер, окидывая взглядом выставленные мечи. Один привлек его внимание, и разноглазый потянулся к отвсечивающему голубым светом клинку.

– Осторожней! – торопливо предупредил его хозяин. – Ценная вещь! Больше трехсот лет!

Пальцы сомкнулись на холодной рукояти. Ландскнехт взвесил полуторник в руке: полностью прозрачный меч имел хорошую балансировку:

– Стекло, что ли? – фыркнул Мадельгер, сам прекрасно понимая, какую чушь он несет: во-первых, это будет слишком дорого, а во-вторых, материал слишком хрупкий.

Под сердцем недобро зашевелилась саламандра.

– Как можно! – оскорбился купец. – Лед! Создан самим Олафом – изгнанником, перед возвращением в фьорды!

Оффенбах покосился на него: чем хорошо храмовое образование, так это тем, что тебя с пяти лет заставляют зубрить генеалогию и биографию всех более ли менее знаменитых личностей. И вот это самое образование, вкупе с отличным знанием собственного семейного древа, в полный голос заявляли, что лавочник врет на голубом глазу. Ну, не был Олаф – изгнанник колдуном. Да еще и отдельный вопрос, вернулся ли он во фьорды... А значит, это странное изделие, ну, никак не может иметь столь длительную историю!

А продавец продолжал нахваливать свой товар:

– Вижу, господин ландскнехт, разбирается в оружии, – Мадельгер пока что не успел смелить цветастую одежду пешего наемника на черные тряпки шварцрейтара, – клинок отличный, идеально сбалансированный, прекрасно подходит для уничтожения ундин...

– А ещё он сломается, столкнувшись с настоящим металлом, – мрачно закончил за него Мадельгер, возвращая клинок на стену.

А еще веселее будет, если наемник встретится с каким-нибудь огненным колдуном. Или саламандрой. Например, той, что притаилась в груди у самого ландскнехта. Захочет барс, созданный из пламени, прогуляться... И будет очень весело стоять и смотреть, как твое единственное оружие весенней каплей оседает на землю.

В конце концов, Оффенбах остановил свой выбор на простой дертонжской скьявонеске⁹.

– Это же не рейтшверт! – взвыл Росперт.

– А я и не рейтар! – огрызнулся мужчина.

– На лошади будет неудобно, – Барнхельм не терял надежды переубедить приятеля.

– Спешусь перед боем, – недовольно дернул плечом разноглазый. – Расплачивайся и пошли. Мне нужно еще переодеться, перед тем, как с нанимателем встретимся.

Вряд ли человек, стремящийся отправиться в путь с ротой рейтаров, будет счастлив, если к нему заявится помятый после вчерашней пьянки ландскнехт.

К полудню кареты въехала под своды расположенного неподалеку от Бирикены и Бруна леса Зинтерштодер. Мягкая тень укутала экипажи, раскидала солнечные блики по гладкому дереву...

Кенниг на миг выглянул из окошка и вновь откинулся на спинку дивана. Казалось бы, все тихо, мирно, едем чинным шагом, нет необходимости трястись в седле... А на душе беспокойно, словно буря надвигалась. Внутри все словно переворачивалось и завязывалось таким жутким узлом, что казалось, рот открой – и жабы на землю посыпятся.

Да еще и лес этот... Вот от него уж точно не самые лучшие воспоминания остались...

---

⁹ Скьявонеска – меч, обычно полутораручный, с гардой в форме буквы S

***

Пять лет назад.

Со дня побега из Бруна прошло уже больше недели, а у Винтара во рту до сих пор стоял привкус горького пепла. Замок пал. Сгорел под ударами разбушевавшейся саламандры, убившей Аурунд... Пусть Кенниг лишь мельком видел огненную тварь, мчащуюся по коридорам, а тела ведьмы так и не нашел – да и не искал, если честно, не до того было – но боль, пронизавшая с ног до головы, вонзившая клыки в сердце, принесла с собой ясное осознание, что правительница Ругеи мертва.

Ветхая, вросшая от времени в землю охотничья сторожка, спрятавшаяся в Зинтерштодере, приняла беглецов. Может, стоило найти что-то более приспособленное для жизни, но, честное слово, всем было совершенно не до этого. Водяному колдуну самому сейчас хотелось просто лечь и умереть. Адельмар Сьер был немного не в том состоянии, чтобы что-то решать. Бертвальд Шмидт был занят только им, судорожно пытаясь подобрать травы, способные выпарывать жизнь раненого из когтей Того, Кто Всегда Рядом. Ну, а Селинт Шеффлер постоянно спала, одурманенная сонным зельем, составленным все тем же травником по указанию Винтара – у ледяного мага не было никакого желания выяснять, насколько обширны способности первой ученицы Аурунд.

В сердце колдуну словно ядовитую иглу загнали. После событий в замке Кенниг действовал на автомате. Отдавал короткие приказы лекарю, нес бесчувственную Селинт, седлал коня...

И сейчас, сидя на пороге сторожки, старался не думать ни о чем.

Просто потому, что в голове вновь и вновь бился один и тот же упрямый вопрос: «Когда я свернул не туда?»

Когда зачем-то остановил Селинт, мертвой хваткой вцепившейся в руку раненому пленнику? Или, когда зачем-то пошел за упрямо бредущим по коридорам Сьеру? Или, когда, подчиняясь приказам Аурунд, участвовал в боях? Или, когда вообще начал ей подчиняться?

Когда он ошибся? Когда он свернул не туда?

Периодически, правда, посещала здравая мысль, что сейчас он находится в лесу, деревьев вокруг предостаточно. Осталось только найти достаточно крепкую веревку, и все проблемы будут решены.

О том, что Единый не пускает в свои чертоги самоубийц, можно не беспокоиться. За свои неполные тридцать пять Кенниг уже столько натворил, что ему уже прямая дорога на сковородки к Тому, Кто Всегда Рядом, вымощена.

За домом недовольно заржал Уголек, и Кенниг медленно встал. Нужно заняться конем, а то со вчерашнего вечера к нему не заходил.

Чуть слышно скрипнула дверь. Винтар бросил мрачный взгляд через плечо: опять травник раненого бросил. Глаза выпученные, носится, как мартовский кот, а все туда же! «Милорд!» «Господин Сьер!» Только болтает, а пользы никакой.

Резкое слово застыло на губах: на пороге стоял, вцепившись в дверную колоду, как утопающий в бревно, Адельмар Сьер.

Изможденный, худой... Он сейчас выглядел старше своих двадцати шести лет. Шрамы и раны – застарелые и свежие, появившиеся вновь благодаря Селинт – покрывали тело, в карих глазах застыла боль, а спутанные темные волосы давно требовали ножниц и расчески.

Винтар внезапно поймал себя на мысли: удивительно, что у Сьера вообще не было бороды до пояса. Видно, перед тем, как Аурунд при помощи Селинт и огненных близняшек выясняла, какой же у младшего сына правителя дар, пленника привели в порядок.

– Зачем вы встали?.. – зло обронил Винтар и, не дожидаясь ответа, оглянулся по сторонам: – Где этот идиот Шмидт?! Я же сказал ему следить...

Бледные губы раненного сжались в тонкую полосу:

– Он пошел за травами... Почему мы здесь? Теперь я – ваш пленник?..

Что можно было ответить на эти вопросы? Рассказать о той боли, что ударила по всем, кто был связан с Аурунд, в момент ее смерти? Или может – о том, как почему-то не бросил эту странную компанию подышать в пылающем Бруне? Или может – о той тоске, что уже который день вонзает зубы в сердце?

Кенниг смог лишь тихо обронить:

– Аурунд мертва. Вы законный правитель Ругеи.

В повисшей тишине крик сорокопуга, прыгающего по деревьям, казался оглушительным.

Пальцы Адельмара с такой силой стиснули дверную колоду, что казалось, она сейчас треснет:

– Я... Я младший сын. У меня были... У меня есть братья.

Винтар, наконец, повернулся к собеседнику:

– Господа Магрих и Хенно Сьер погибли во время взятия Бруна. Их тела опознал лично лорд-манор Конберт Сьер. Он выжил во время штурма, – голос колдуна был ровен и чуть флегматичен. – Для того, чтоб через месяц его казнили на главной площади Бирикены. Палача не нашли. Голову отрубил я, – Кенниг поднял ледяные глаза на раненого. – С седьмого удара.

У Адельмара подкосились ноги. Парень рухнул на колени, отчаянно цепляясь рукою за дверную колоду и хватая ртом воздух.

Да, Бертвальд еще три года назад сказал, что отец и братья мертвы, но все это время, пока юноша находился в темнице, в душе еще продолжала теплиться надежда, что это какая-то ошибка, что Хенно и Магрих живы, что отец, может, ранен, может, болен, но все равно – не умер!

Кенниг шагнул вперед, легко подхватил хрупкое, изможденное тело на руки и занес уже почти сползшего в пучину обморока юношу в сторожку. Опустив раненного на грубо сколоченную лежанку, и покосившись на сидевшую в дальнем углу одурманенную Селинт, уставившуюся пустым взглядом в потолок, маг тихо обронил:

– Отдыхайте, я пришлю к вам Шмидта.

Водяной колдун уже перешагнул порог, когда Адельмар вновь подал голос:

– Что вы собираетесь делать дальше, господин Кенниг?

– Утопиться в ближайшем болоте, – зло буркнул маг. Это больше всего подходило к его нынешнему настроению.

Но в спину внезапно ударило тихое:

– Я согласен принять вас на службу.

***

Одно из основных правил в работе наемника – не переносить свое недовольство вербовщиком на нанимателя, читай, заказчика. Так что, если вербовщик – косой, хромой, с золотым зубом и рваными ноздрями – тебе не понравился, не стоит сразу же бить кулаками по столу и кричать, что тырываешь контракт.

Хотя сейчас, когда Мадельгер смотрел на того, кто, собственно, и дал ему кружку пива с монетой, искушение повернуться, сказать, что он не рейтар, а просто так, мимо проходил, и спокойно уйти, оставив Барнхельма самого расхлебывать получившуюся кашу, было очень велико. И как ландскнехт вообще вчера с таким вербовщиком за один стол сел? Тайна сие великая есть...

Вербовщик потеребил ухо – Оффенбах автоматически отметил, что у него еще и мочки нет – и флегматично сообщил:

– Отъезд завтра. Кроме вас двоих...

– Троиш, – поправил его Росперт, а когда вербовщик поднял на него флегматичный взгляд, пояснил: – С нами еще ученик рейтара.

– Да хоть ученица травника, – отмахнулся его собеседник. – Кроме вас троих будет еще десяток. Заказчик просил больше, но пока не нашли, возможно, в Утрехте присоединится еще несколько.

– А заказчик не сказал, на кой скримсл мы премся из Гарделлегенера в Борн? – не выдержал ландскнехт.

– Вот у него и спросите, – отмахнулся вербовщик. – Если господин барон соизволит снизойти до объяснений. А теперь вон отсюда. И чтоб завтра на рассвете были у южных ворот.

Уже выходя из крохотной темной лавчонки, где сидел вербовщик, Мадельгер оглянулся. На миг, в блеске солнечных лучей, проникающих через единственное окошко, мужчине показалось, что на щеках их собеседника виднеется вытравленное клеймо «Кат». Впрочем, разглядеть ничего так и не удалось.

– Гнилой заказ, – мрачно буркнул Оффенбах, осторожно прикрывая за собой дверь.

Росперт дернулся в сторону, пытаясь ускользнуть от брызг, поднятых с мостовой колесами проехавшей кареты. Не удалось.

Мужчина мрачно принялся отряхивать плащ, не обращая внимания на брюзжание приятеля. Отряхнул, и лишь тогда соизволил ответить:

– Да весь этот Гермершхейм гнилой. Вольный город, тоже мне. Застрял в приграничье между Гарделлегенером и Утрехтом, никому сейчас и даром не нужен, ни тому лорд-манору, ни другому, вот и получил звание вольного. Был бы чуть южнее, загремел бы под власть Либенау, уже б проще жилось.

– Кому? – фыркнул его приятель.

На что получил широкую улыбку в ответ:

– Нам, конечно. Мы тут намертво застряли, хлебные места при ратуше уже все заняты, вольные наемники местным и даром не нужны, своих кнехтов хватает... Если б не этот вербовщик, пришлось бы точно до столицы подаваться.

Мадельгер мечтательно вздохнул:

– До правления ведьмы в Ругее было столько прекрасных осад... Бароны вольные города захватывают, князьки между собой воюют... А сейчас?

– А сейчас радуйся тому, что мы какой-то караван для сопровождения нашли.

– Думаешь, это караван? – поморщился ландскнехт, хватая за плечо замечтавшегося Кайо, с интересом разглядывающего лепнину на каком-то здании, и вытаскивая мальчишку буквально из-под копыт мчащегося коня.

– А что еще? – удивился Барнхельм, обходя мирно хрюкающую свинью.

– Вербовщик говорил о бароне. Вряд ли дворянин занимается торговлей.

– Может обнищал?

Под ноги кинулась стайка поросят, чудом никого не сбив. Кайо радостно вцепился в полосатого кабанчика – не иначе, как мамаша с диким вепрем загуляла – но тут из-за угла шагнул мрачный хозяин свиней и, дабы не объяснять, что ребенок всего лишь хотел погладить зверушек, хрюкающего пленника пришлось отпустить, а самого ученичка поспешно утащить вверх по улице.

Разговор удалось продолжить минут через пять, уже у ратуши, под мрачными взглядами стоящих у входа в здание кнехтов. Те – одетые в ливреи городских цветов – казалось, только и искали повод к чему-нибудь придраться. Впрочем, это и не удивительно – сами небось вольными наемниками были, конкурентов почуяли.

– А в договоре ничего нет? – осторожно уточнил Барнхельм, так и не дождавшись ответа не предыдущий вопрос.

Оффенбах вытащил из-за пазухи уже порядком помятый контракт, развернул, пробежал глазами и покачал головой:

– Только фамилия нанимателя. Барон фон Мецгер.

– Не знаешь такого?

Мадельгер покачал головой:

– В первый раз слышу. Может, в списках знатных родов Фриссии когда-то и читал, но сейчас ничего не скажу.

Росперт помолчал и вздохнул:

– Ну что, пошли готовиться к походу? Завтра на рассвете выезжать...

Ландскнехт только фыркнул:

– А есть выбор?.. Кстати, – внезапно вспомнил он. – Что с Кайо будем делать?

Мальчишка, шагавший рядом, запнулся о камень и покосился на разноглазого: сердце кольнуло воспоминания об оседавшем пеплом колоске.

Барнхельм удивленно нахмурился:

– В смысле? Он с нами едет.

Ученик опустил голову, пряча расплывающуюся по губам улыбку.

– Да это понятно, – отмахнулся мужчина. – Сколько еще денег осталось? На пони хватит?

Росперт только открыл рот, но его перебили:

– Только не надо мне баек про цены на хлеб. У меня кацбальгер был с позолотой и травлением.

– Не у тебя, а у нас! – нравоучительно сообщил шварцрейтар. – Деньги, Одуванчик, пошли на общее дело!

На этот раз, как ни странно, Мадельгер проглотил издевку. Лишь нахмурился и нетерпеливо бросил:

– Ну?

Барнхельм только отмахнулся:

– Да хватит, конечно!

До темноты кареты из леса так и не выехали. Впрочем, это и не удивительно: если Винтару не изменяла память, Зинтерштодер протянулся на множество раст¹⁰ во все стороны. На западе он вообще выходил за пределы Ругеи, переходя в земли Либеннау. Во время правления Аурунд на закатной части лорд-манорства постоянно проблемы с границами были.

Как бы то ни было, пришлось останавливаться в лесу. Лошади свернули с тропки, благо, неподалеку виднелась поляна, на которой можно было разбить лагерь. Еще несколько минут и слуги ратмана споро принялись устанавливать шатры для господ. Судя по кислому лицу самого Таузига, он рассчитывал, что подчиненные инквизитора тоже займутся делом. Мужчина даже собрался с силами и попытался заикнуться об этом Винтару... Кенниг пониже опустил капюшон плаща и ледяным тоном бросил:

– Мои слуги нужны мне для других дел. Вы пригласили меня в это путешествие, господин ратман, вы и должны решать все проблемы...

Честно говоря, бросая в лицо своему собеседнику такие оскорбления, водяной колдун понимал, что он ходит по лезвию ножа. Таузигу достаточно возмутиться... А с другой стороны, что он сможет сделать? Сдернуть с нахала капюшон? Он слишком боится инквизитора. Приказать своим слугам «убедить» мужчину? Но инквизитор зачем-то нужен ратману. Нужен для

---

¹⁰ Раста – мера длины, равная 4 400 метров

каких-то своих целей... И, похоже, эти цели предполагают, что инквизитор будет действовать добровольно...

Интересно, лорд-манор имеет отношение к этой странной игре, которую пытается вести простой бюргер? Точней, нет, не так. В той игре, которую затеял господин Таузиг, есть место для правящего лорд-манора, и на чьей стороне он должен будет выступать?

Почему-то Кенниг был уверен, что вся эта прогулка в Утрехт затеяна вовсе не для того, чтоб подышать свежим воздухом.

Ужинал «господин инквизитор» в личной палатке, вместе со своими слугами. Ратману Таузигу это, конечно, не понравилось. Ратман Таузиг, когда Кенниг заходил в шатер, потрясенно охнул и попытался сказать:

– Но господин инквизитор! Я надеялся, что мы с вами сможем обсудить вечером...

Винтар остановился на пороге, оглянулся... Ему очень хотелось сказать, что ратман может сделать со своими надеждами, и куда их следует засунуть. Сдержался с трудом. Благогостно опустил голову и ележно протянул:

– Мне необходимо перед едой помолиться Единому. И лишь мои слуги могут присутствовать при этом.

Кажется, сработало, ратман поверил.

Только вот секретарь его как-то странно косился на шатер.

Ужин прошел в молчании. Эрменгильда, правда, попыталась что-то сказать, но Кенниг зло прошипел, почти не разжимая зубов:

– Замолчите, могут подслушивать, – и девушка, испуганно ойкнув, прикрыла рот ладошкой.

Кровать, кстати, была предусмотрена только одна. Стянутая цепями деревянная основа стояла возле полотняной стенки шатра.

Видимо, предполагалось, что слуги будут спать прямо на земле, укрывшись своими плащами.

Менрих, пожалуй, вполне мог так и сделать, а вот Эрменгильда... Юная ведьма явно не была готова к таким испытаниям. После того, как молчаливый иллюзионщик вынес грязные тарелки из палатки – слуги ратмана разберутся, как их почистить, – девушка медленно встала, оглянулась по сторонам и глазами несчастного побитого щенка уставилась на Винтара.

По большому счету – это была не его проблема. По большому счету – ее вообще не надо было вытаскивать из дома инквизитора. По большому счету – Кеннигу всего лишь надо было добраться до Лундера...

– Ложитесь, – водяной колдун мотнул головой в сторону кровати. – Менрих и я спим на полу.

Эрменгильда поспешно, как болванчик, закивала.

Что ни говори, а ничего хорошего от этого путешествия ждать было нельзя...

Гермершхейм перевидал за свою историю многое. Когда-то его пытались поделить Утрехт и Гарделлегенер – город выдержал по несколько осад с каждой стороны – потом городской совет не мог разобраться, кому же все-таки принадлежит власть, потом по лорд-манорству поползли слухи о ведьме, захватившей далекую горную Ругею...

Гермершхейм перевидал за свою историю многое. Разбогател, окреп, оброс надежными стенами, ошестинился верной милицией, готовой помочь родному городу... А потому на десяток шварцрейтаров, столпившихся на рассвете подле восточных ворот, местные жители обратили мало внимания. Стоят спокойно, коней на поводках держат, на крепостные стены не лезут, со стражей не задираются... Кому они нужны? Вот рассветет, ворота откроют, тогда можно будет и озаботится, выпускать их из города или нет.

Мужчины тихо переговаривались между собой, знакомясь, выясняя, кто в какой кампании служил. А там глядишь и наниматель подъедет...

Мадельгер чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Конница – это не пехота. У них свой жаргон, свои байки... Даже крутившийся рядом Кайо, нахватавшийся за время ученичества каких – то вершков, чувствовал себя как рыба в воде.

А вот Оффенбаху было очень неудобно.

Узкий ворот камзола натирал горло, подобранные приятелем сапоги явно были малы, да и вообще, в черном одеянии шварцрейтара, заменившем привычные петушиные окраски ландскнехтского наряда, мужчина чувствовал себя каким- то вороном. Даже конь был траурных оттенков...

Кайо, кстати, действительно было проще. Во- первых, к ученикам никогда не было таких жестких требований, а потому мальчишка мог остаться в своем привычном наряде разных оттенков рыжего цвета, а во- вторых, на пони денег все- таки не хватило, пришлось обходиться серым осликом.

Серым, а не черным, что несомненно важно. По крайней мере, для Мадельгера – хоть какое- то разнообразие будет.

Барнхельм, правда, предлагал купить ишака пуатусской породы, вороного, – мол, это больше пристало ученику рейтара – но Оффенбах послал его ко всем скримслам, добавил вдогонку пару страшно звучащих выражений на непонятном дертонжском... Росперт сдался.

В любом случае, сейчас рейтар всю болтал с новыми знакомцами: обсуждал контракты, спорил о «волчках» на клинке, клеймил позором недостойных нанимателей, повадившихся разрывать договора с наемниками, не заплатив ни пфенига...

Вдали послышался цокот копыт, и спорщики прервали разговор на полуслове: солнце еще не встало, а наниматель должен скоро появиться.

Вверху улицы появилась кавалькада всадников, освещаемых неверными отблесками уличных фонарей. Впереди ехала карета, украшенная резьбой и позолотой.

За нею следовали несколько юношей в одежде попроще да тянулись пара телег. Слуги и припасы в дорогу. А за ними тянулись еще несколько всадников в черных одеяниях. Рейтары. Наемники. В самом конце псевдокаравана ехал, отчаянно зевая и потягиваясь давешний вербовщик. Удивительно, как он только с коня не упал.

Странно. Если всех людей, что ожидали прибытия заказчика, наняли для сопровождения каравана, то где же все остальные? Или всю толпу собрали для обеспечения безопасности этого дворянина?

Когда до ворот оставалось всего ничего экипаж остановился и из него выглянул мужчина лет сорока на вид, крепкий – поперек себя шире – простоволосый, обряженный в расцветенный всеми цветами радуги камзол – Оффенбах завистливо вздохнул, – на пальцах сверкали многочисленные перстни, пуговицы на одеянии были выточены из драгоценных камней, а висевшая на шее золотая цепь могла, наверное, выдержать вес храмового колокола.

– Позер, – насмешливо фыркнул один из рейтаров.

Нет, это ж каким идиотом надо быть, чтоб ехать из Гарделлегенера в Борн, нарядившись в бархат и нацепив на себя кучу золотых украшений? Или этот придурок решил поработать наживкой для всех разбойников Ругеи?

Или вот еще интересный вопрос. Этот барон фон Медгер – а то, что это именно он сомнений не остается – как он вообще мог решиться отправиться в путешествие, прихватив с собой столько богатств и взяв с собой всего пару слуг. Нет, чтоб найти с десятков охранников. Наемники – это, конечно, хорошо, но – будем подходить к своей профессии самокритично – слишком уж ненадежно. Кто- то служит верно, а кто- то готов переметнуться на сторону врага при малейшей возможности получить на пару монет больше...

Выглядывавший из кареты мужчина, нахмурившись, мерил взглядом столпившихся наемников.

– Кто ваш офицер? – в голосе звякнули надменные нотки.

По толпе рейтаров пронесся ветерок усмешек.

– А он нужен?! – фыркнул кто-то.

Одно дело, когда наемников целая рота, предстоит осада... Тогда и капитан найдется. А когда всех рейтаров – десяток, да и то – в одной команде никто отродясь не работал... Тут уж приходится обходиться чем есть...

Небо начало розоветь, и ворота протяжно заскрипели: стражники готовились выпускать ранних путешественников.

Наконец проснувшийся вербовщик с рванными ноздрями понял, что пора брать дела в свои руки, иначе наниматель рискует остаться без рейтаров. И если сам барон после этого может и уедет из города, то тот, кто искал вояк, останется. И именно у него будут выяснять, из-за чего сорвалась сделка.

И хорошо, если после этого не придется обращаться к лекарю.

– Ваша Милость! – корноухий обогнал сопровождающих нанимателя рейтаров. Он искренне хотел, чтоб на него обратили внимание, но не знал, как это сделать – видимо, столь высоких клиентов у него пока не было. – Ваша Милость!

Не дергать же, в самом деле, за рукав, как какого-нибудь купца.

Фон Мецгер бросил на него короткий полупрезрительный взгляд:

– Ну?

– Господа рейтары, – широкий жест должен был обхватить всех присутствующих, – приняли ваше предложение и готовы сопровождать...

Вербовщика оборвали на полуслове:

– Это я понял. Кто у них главный?

Корноухий зашуршал бумагами:

– Сейчас... Понимаете, ваша милость, это не одна рота, а разные люди, набранные по разным контрактам... Я могу лишь сказать вам, у кого самый большой опыт, и если вы согласитесь назначить его главным...

– Ну?

– Вот! Мортен Кристенсен – шестнадцать лет рейтаром...

– Кристенсен? – поморщился фон Мецгер. – Дертонжец, что ли?

– Гэрулец, – рявкнул из толпы грубый мужской голос.

Мадельгер покосился на говорившего. Если сравнивать сроки службы, получается, всего четыре года разницы. Сбежал бы из монастырской школы лет в одиннадцать – двенадцать, и сам мог бы претендовать на роль командира. Вот только вопрос встает – а оно надо?..

Ох, зря его Росперт в этот маскарад втянул. Не приведи Единый будет серьезная битва. Ландскнехт ведь отродясь на коне в атаку не ходил. Хорошо, если неловко замахнувшись во время боя Оффенбах всего лишь попадет по лошади. А если себе ногу отрубит? Вот весело будет...

Мортен Кристенсен по величине мог посоревноваться с бароном фон Мецгером. Крепкий, мускулистый, два элля пятнадцать золлов ростом¹¹, не меньше. На левом глазу – черная повязка, из-под которой на щеку спускался длинный рванный шрам...

Барона увиденное удовлетворило. Мужчина мотнул головой в сторону своих сопровождающих:

– Переходите вместе с отрядом под командование Гаримана Рауха.

---

¹¹ Два элля пятнадцать золлов – примерно 2 метра 5 сантиметров.

Росперт, затерявшийся в толпе новичков, заржал в полный голос. Стоило выяснять, кто главный, чтоб потом быстро от этого «главного» избавиться. Скоро вообще выяснится, что барон не знает даже за какую сторону меча держаться.

Хохот мгновенно поддержали остальные, смех разнесся над просыпающейся улицей. Лицо барона побледнело, пошло красными пятнами...

Один из сопровождающих фон Мецгера наемников – видно, тот самый Раух, – понял, что клиента пора выручать. Выдвинулся вперед и зычно скомандовал:

– Выезжаем!

Отряд, сопровождаемый негромкими смешками, потянулся к открывшимся воротам.

Винтар ожидал, что в дорогу отправятся на рассвете, как и вчера. Но, видно ратмана Таузига хватило всего на один день. Поутру, когда Кенниг, низко надвинув капюшон на лицо, вышел из палатки, выяснилось, что путешественник сладко спит, поручив лакеям охранять бивуак – из второго шатра доносился звучный храп.

У палаток сидел, зевая и потягиваясь, знакомый секретарь. Тот самый, что предлагал продать информацию о доме, принадлежащем Кенингу, подешевле, а потом, в лавке у травника, случайно проболтался об особняке инквизитора.

Увидев приближающегося колдуна, мальчишка вскочил на ноги. В светлых волосах парня запутались сухие листья, а перепачканный землей костюм явственно намекал, что на земле сегодня спал не один Винтар. Похоже, ратман не особо заботится о своих спутниках – у самого кровать есть, и ладно.

Секретарь, похоже, особо не выспался, и даже простенькое кольцо на пальце мерцало как-то сонно.

Хотя странно, конечно. Даже если нет каких-нибудь переносных лежанок, можно попытаться заночевать на диване в карете – уже удобней будет. Ратман не пустил? Или слуги с кучерами заняли? Так у секретаря вроде статус выше...

А, кто этих жителей Бирикены поймет. У них похоже такие тараканы в голове водятся, что той гостинице без названия, в которой Кенниг недавно ночевал, и не снилось.

– Господин инквизитор! – благоговейно выдохнул юноша. – Чем могу быть полезен?

После ночевки на холодной весенней земле у Винтара дико болела спина. Да еще и в правую руку отдавало так, что пальцы немели.

Плохо дело. Если вдруг придется с кем-нибудь столкнуться, действовать получится только левой рукой, половину заклинаний просто не осилишь.

Короче, настроение у водяного колдуна с утра было отвратное.

– Ничем, – зло буркнул Кенниг. – Поедем когда?

Из головы совершенно вылетело то обстоятельство, что голос надо как-то менять.

Секретарь нахмурился, потер лоб – на пальце матово блеснуло кольцо, разрисованное какими-то знаками:

– Простите?

Винтар мысленно взвыл. Это ж надо быть таким идиотом! А если мальчишка сейчас наберется храбрости, попытается сдернуть капюшон с головы... Одной рукой его даже толком не остановишь!

К счастью, храп в шатре внезапно оборвался, и из-за полотняной стенки донеслось капризное:

– Сигенот? Сигенот! Где тебя носит?!

Отвлечшийся секретарь мгновенно забыл о «неправильном голосе» инквизитора и охнув:

– Простите! – рванулся к палатке.

Если бы Кенниг не думал, что Единый уже давно про него забыл, он бы прочел благодарственную молитву. Похоже, сейчас водяной маг был на волоске от разоблачения.

После легкого завтрака путешественники вновь тронулись в путь.

Секретарь, правда, садясь в карету к своему начальнику, как-то странно косился на Винтара. Плохо. Все очень и очень плохо. Если мальчишка действительно что-то заподозрил, он может в любой момент рассказать о своих страхах ратману. И тогда ничего хорошего ждать не придется.

Не смотря на свои причуды, темп путешествия барон фон Мецгер с самого начала задал хороший. Мадельгер искренне опасался, что ехать до Борна действительно надо будет несколько месяцев, но, к счастью, уже через несколько часов стало ясно, что длительные контракты с наемниками действительно были заключены с запасом: каких-нибудь две – три недели, и путешественники доберутся до точки назначения.

Если, конечно, никаких бед не стряется. Разбойники, там, не нападут, лошади ноги не поломают, в телегах с припасами оси не лопнут...

Остановились только на закате. Слуги споро поставили шатер для хозяина, личный повар, ехавший на одной из повозок, поспешно готовил ужин господину, а наемники собрались у отдельного костра, прикрытого тяжелыми металлическими пластинами с трех сторон от лишнего взгляда. Кашеваром традиционно был рейтар со знаком единого на запястьи – тот, кому не грозило поймать саламандру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.